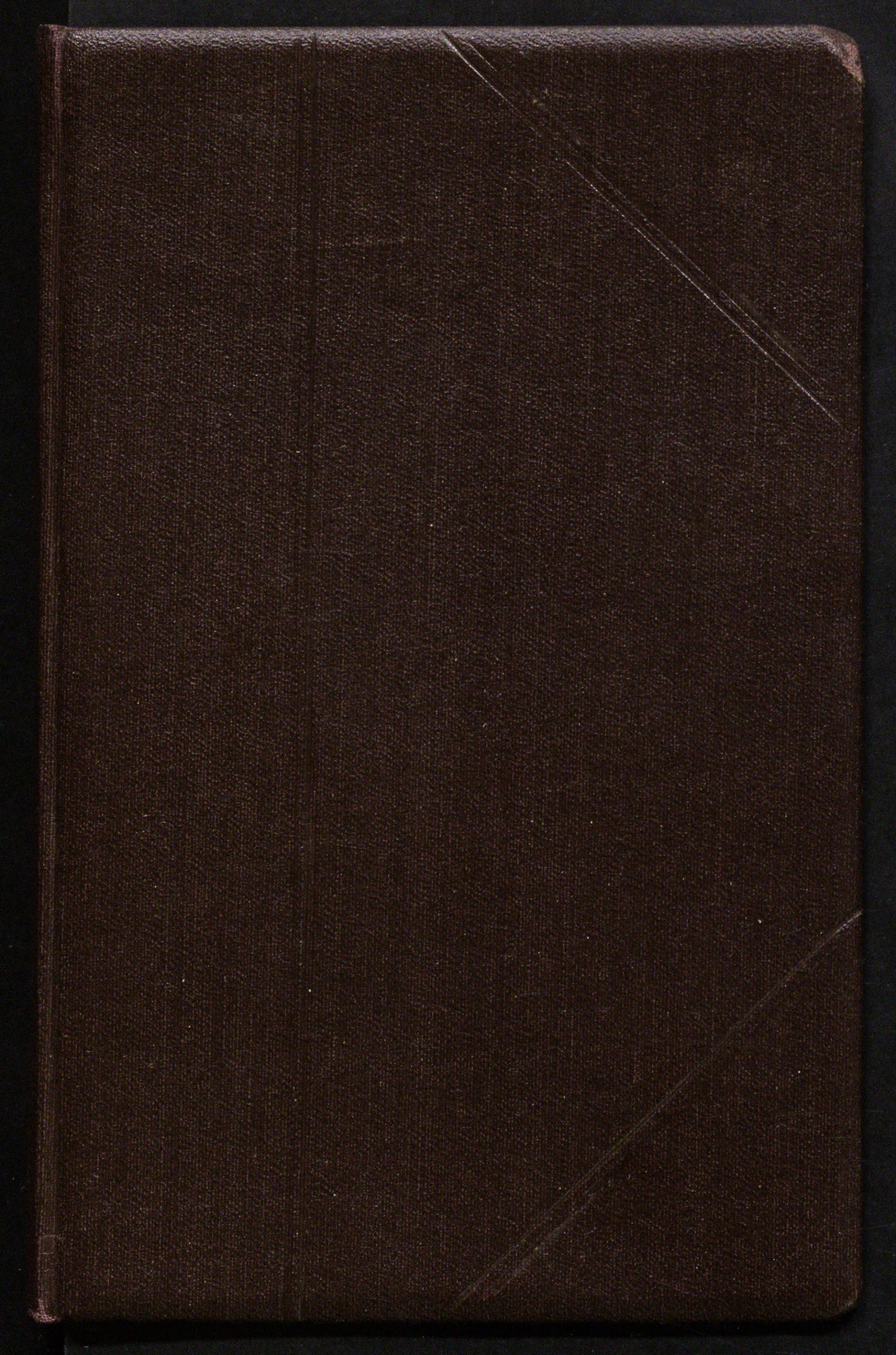
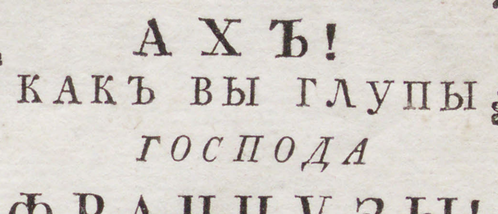

Агу де Бонневаль

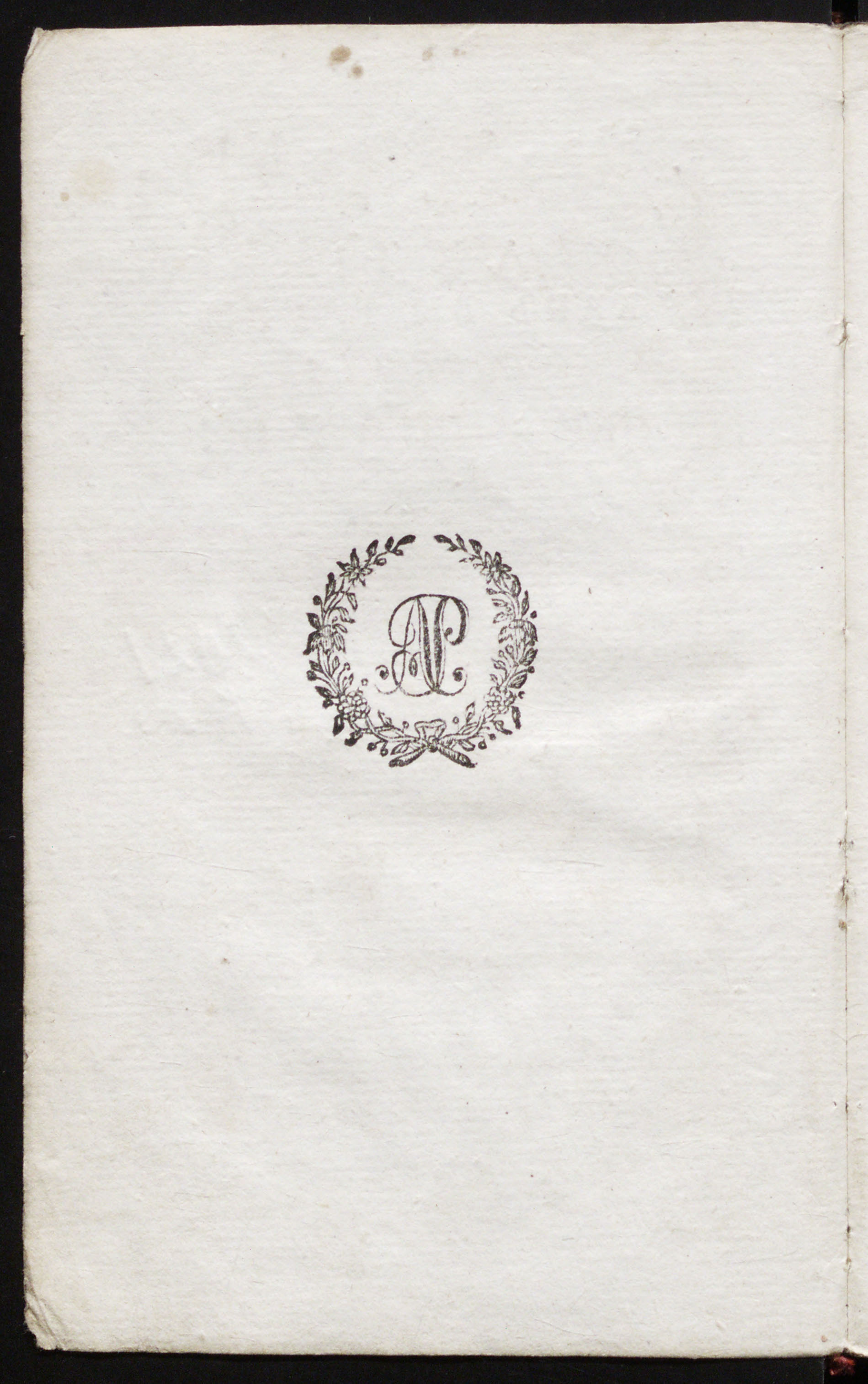
АХЪ!
КАКЪ ВЫ ГЛУПЫ
ГОСПОДА
ФРАНЦУЗЫ!

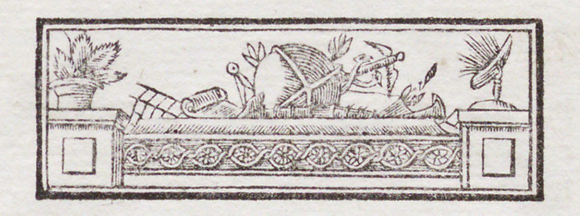
Перевелъ
съ Нѣмецкаго языка
И. М. У. С. И... В...

Съ Указнаго дозволенія.

МОСКВА.
Печатано въ вольной Типографіи
А. Рѣшетникова 1793 года.

АХЪ!

КАКЪ ВЫ ГЛУПЫ

ГОСПОДА ФРАНЦУЗЫ!

Вь самомЪ дѣлѣ вы весьма глупы, друзья мои! Но долго ли ослѣпленіе ваше продолжаться будетЪ? Вы имѣете глаза, но не видите, имѣете уши, но не слышите. И хотя я надѣялся найти вЪ васЪ нѣкоторую каплю разума; однако вижу теперь довольно, что вы совершенно ничего не смыслите, — и естьли прямо сказать, то вы не имѣете и тѣни человѣческаго разума, не смотря на то, что преподавали вамЪ важнѣйшія нравоученія. Тысячи сочиненій вышли, дабы во мракѣ вашемЪ возжечЪ свѣтЪ дневной.

Вы всѣ читали сочиненіе, изданное подъ заглавіемъ: *откройте глаза ваши.* Нѣтъ ни одной деревни во Франціи, кудабы не дошло сіе сочиненіе! Нѣтъ ни единаго человѣка, которой бы не одобрилъ онаго; ибо нѣтъ въ немъ ни единаго слова, которое бы не содержало въ себѣ всѣхъ признаковъ справедливости — несомнительнѣйшей справедливости, которая никогда не можетъ быть оспорена; ибо сія книга содержитъ въ себѣ исторію всего того, что произошло съ самаго начала бѣдственныхъ нашихъ приключеній даже до изданія оной — исторію того, что каждой знаетъ, что каждой видѣлъ, — и вы не хотите отворить глазъ? О французы! откройте ихъ хотя на минуту; иначе же останетеся вы навсегда глупцами, вѣчными невольниками, и нещастнѣйшими людьми.

Вы свергли иго Деспотизма, говорите вы; но гдѣ сіе иго? — Вся-

кой имѣлъ право разсуждать объ учрежденiяхъ правительства, всякой подавалъ о томъ свое мнѣнiе —, однакожъ ни кто не нашелъ его худымъ. Всякой могъ безъ опасенiя разговаривать, торговать, ходить, веселиться и поступать съ своею собственностiю, какъ хотѣлось, всякой жилъ, какъ кому лучше было; не запрещено было называться ни графомъ, ни Барономъ, ни Маркизомъ; позволено также было право давать титулъ Герцога, Принца и Короля, и ни кто бы ни о чемъ болѣе не заботился, какъ только о забавахъ.

Вы взяли Бастилiю въ два часа, — вотъ побѣда, которая даже до позднаго потомства сохранитъ вашу славу! (*Видно довольно, что вы не привыкли срывать побѣдоносныхъ лавровъ.*) Вы будете вѣчно тѣмъ хвалиться. Вы позволяете сей подвигъ представлять на театрахъ, даже и въ куколь-комеди площаднымъ вашимъ

шутамъ. Онъ повторяется въ Королевскомъ дворцѣ, (въ семъ на вѣки обезчещенномъ мѣстѣ;) ибо вамъ хочется имѣть его всегда предъ глазами. Вы носите медаль такъ, какъ знакъ чести, какъ награду знаменитыхъ вашихъ подвиговъ, и не видите, что она покрываетъ васъ стыдомъ.

Съ какимъ удовольствїемъ взираютъ, когда вы не носите оной, дабы не ошибиться въ приговорѣ, которой вы заслужили.

Вы употребили два часа, на взятїе Бастилїи? — Конечно вы опасались найти тамъ Аристократа? такъ! это справедливо. Естьли бы хотя одинъ изъ нихъ тамъ находился, то всѣхъ бы васъ заставилъ дрожать и вы бы ее не взяли, но тамъ не было ни одного, и ворота навстежъ были отворены; и такъ вамъ нужно было только войти? — На это и двухъ часовъ много. Ме-

жду тѣмъ однакожъ вы назвали себя героями Бастилїи. Конечно вы не знаете, что истинные герои не любятъ побѣдъ, которые имъ ничего не стоятъ: и объ васъ можно здѣсь смѣло сказать, что;

Не зря опасности вы съ жаромъ воевали
И мѣсто слабое безъ всякой славы взяли.

Прошу извинить, государи мои! не сердитесь, что я такъ откровенно съ вами говорю: это мой характеръ, пожалуйте признайтесь, что вы великїе глупцы!

Все, что только можно было сдѣлать, употреблено, дабы озлобить васъ противъ Аристократовъ, (вы разумѣете подъ симъ именемъ дворянъ и духовенство,) но вы столь глупы были, что раззорили ихъ собственную темницу. Не ужели вы неприм ѣтили; что наиболѣе вамъ совѣтовавшїе истребить сїе зданїе, были тѣ самые, которые больше всѣхъ онаго страшились.

Вамъ сказано было, что Королевскїе повелѣнїя (Lettres de Cachet) были нѣкоторой родъ безчестной инквизицїи; что гражданинъ будучи изторженъ изъ объятїй своего семейства, влачилъ дни въ оковахъ Бастилїи, или и совсѣмъ оканчивалъ тамъ нещастную жизнь свою. Но еще разъ повторяю тебѣ, легковѣрной народъ! Въ Бастилїю заключали только аристократовъ, которые либо въ томъ, либо въ другомъ мѣстѣ дѣлали тебѣ притѣсненїе — одни только дворяне, духовные, судьи и стряпчїе, коихъ всѣхъ вы ужаснѣйше проклинаете, сиживали въ Бастилїи. Заключилиль въ оную хотя однажды какого купца, или ремесленника, или крестьянина, или поденьщика? Нѣтъ они не удостоены были этой чести. Таковыхъ обыкновенно отсылали въ Бицетру и тамъ заключали. Вы хотѣли и оную раззорить въ слѣдствїе принятаго мнѣнїя, что натура всѣмъ своимъ живущимъ тво-

ренїямъ ни въ чемъ не отказываетъ, но вамъ воспротивилась. — И такъ вы видите, что призываютъ васъ къ оружїю не съ тѣмъ, чтобъ васъ защитить, но чтобы унизить. Сїе одно долженствовало бы уже открыть вамъ глаза.

Наконецъ же — что вы нашли въ сей ужасной Бастилїи, чтобы столь ясно свидѣтельствовало о Деспотизмѣ министровъ? Вы нашли тамъ семь колодниковъ, которые и тѣмъ обязаны были милости Короля, что не были живые колесованы. Смотрите, вотъ вашъ трїумфъ! вы учредили общество чудовищей, у которыхъ первою жертвою будете сами. Вы получаете со всѣхъ сторонъ тысячи похвалъ, но позвольте спросить, можно ли назвать похвалою то одобренїе, которое приписывается развратнѣйшими людьми? и не должны ли вы болѣе краснѣться отъ оной.

Васъ не столь много хвалили, за взятїе инвалиднаго дому. Но между тѣмъ и здѣсь были тѣже побудительныя причины, тѣже слѣдствїя, или лучше сказать такое же постыдное дѣло. Хорошо ли это? — Вы обезоружили старыхъ солдатъ, которые тысячи баталїй выиграли, которые покрыты славными ранами, которые всею своею жизнїю жертвовали услугамъ отечества, и которые тутъ для того только находились, поелику изнуренные ихъ силы не позволяли болѣе служить отечеству. Но вы обезоружа ихъ, покрыли стыдомъ почтенную ихъ старость; вашъ Генералъ позволилъ сїе сдѣлать и ни мало не стараетъся исправить такую погрѣшность! — Могъ ли онъ опасаться, что сїи храбрые люди допустятъ себя обольстить къ тому, чтобы осаждать Парижъ или своей армїи доставить побѣду — и не ужели оная столь для васъ ужасна? — Правда, я не

сомнѣваюсь, что они имѣли бы довольно къ тому храбрости, но подумайте! Сіи бѣдные и нещастные люди по большой части имѣютъ либо по одной рукѣ, либо по одной ногѣ, и многіе изъ нихъ столь разслабленны, что едва могутъ почесться между живущими твореніями. —— Я весьма опасаюсь, что и вы со временемъ такого же жребія дождетесь.

Друзья мои! (я называю васъ такъ по тому, что не смотря на всѣ ваши глупости, все еще люблю васъ,) послушайте меня; я намѣренъ говорить съ вами откровенно и какъ честному человѣку прилично. Правда, національное собраніе не желаетъ, чтобы кто нибудь былъ таковъ; но я какъ теперь, такъ и завсегда останусь честнымъ человѣкомъ, не смотря на всѣ его угрозы.

Вамъ вскружили голову правами человѣчества; но посмотримъ въ чемъ состоятъ оныя?

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что всѣ мы имѣемъ равное происхожденіе, ибо всѣ родились отъ перваго человѣка. Однако же хотя мы по сему и равны, но съ самаго грѣхопаденія перваго человѣка, кажется, мы сотворены для рабства, или по крайней мѣрѣ имѣемъ необходимую нужду повиноваться какому нибудь начальству. Доказательство сего столь очевидно, что всѣ живущіе въ обществахъ народы, сколько ихъ ни есть на поверхности земной, во всѣ времена имѣли начальниковъ. — Всѣ имѣютъ своихъ обладателей, даже и самые не просвѣщеннѣйшіе дикіе признаютъ начальство, естьли живутъ въ обществахъ. И такъ въ семъ состоитъ необходимая нужда, коея никто избѣжать не можетъ.

Вамъ сказано, что мы всѣ рождены съ равными правами: но

желалъ бы я знать, согласились ли бы когда нибудь тѣ, которые вамъ проповѣдуютъ сїе нравоученїе, чтобы дѣти ваши рожденные въ бѣдности подъ низкою соломенною кровлею, введены были въ великолѣпныя ихъ палаты, воспитывались вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми и принимали участїе въ ихъ благополучїи? Я божусь вамъ, что они не дали бы ни единаго талера, чтобы заплатить за труды вашей кормилицѣ. — Развѣ тогда можетъ быть согласились бы они на это, когда бы ваши дѣти были изъ дворянъ и ихъ дѣтямъ служили вмѣсто куколъ. Вотъ чего вы отъ нихъ ожидать можете? Вы видите, какъ они стараются о вашей пользѣ.

Мы безъ сомнѣнїя по своимъ добродѣтелямъ имѣемъ право искать тогоже, чего и другїе искали; что одинъ сдѣлалъ, то можетъ и другой содѣлать. Многїя произвели великїя дѣла. — Вотъ всегдашнїя мои

правила. Но это было уже извѣстно и прежде умствованія такъ названнаго національнаго собранія, прежде несносной и смѣшной работы Господина Кондорсета — не всегда ли люди изъ ничего восходили на высочайшія степени достоинствъ? не было ли даже и злоупотребленій въ семъ родѣ? Мы имѣемъ предъ глазами ясной тому примѣръ; ибо кто когда нибудь меньше способенъ былъ играть роль въ свѣтѣ, какъ Господинъ Неккеръ? А чрезъ сіе и открывается намъ, что правосудный Богъ посылаетъ иногда во гнѣвѣ своемъ злодѣевъ, дабы наказать насъ по заслугамъ.

Онъ открываетъ намъ сіе еще явственнѣе, чрезъ сумазбродовъ національнаго собранія, которые не имѣютъ ни малѣйшихъ дарованій.

Мы всѣ равны, говорите вы, но это быть не можетъ. Есть столь глупыя творенія, что не могутъ

даже ходить одни, и необходимо нужно, чтобъ ихъ водили. А когда ихъ водить должно, то не справедливо ли, что они не могутъ уже быть тѣмъ равны, которые ихъ водить будутъ. Есть даже по видимому такіе люди, которые совершенно произведены для невольничества, разумѣя сіе слово во всей его силѣ. Многіе философы приписывали сіе свойству земли или климату; но я не хочу сего изыскивать, а скажу только то, что уже и на первомъ листѣ всеобщей исторіи находимъ мы рабовъ. Съ тѣхъ самыхъ временъ безпрерывно они продолжались, да вѣроятно, что будутъ и до скончанія вѣка существовать, не смотря на умствованія нынѣшнихъ нашихъ философовъ, которые хотятъ все знать; но ничего не смыслятъ.

Въ тѣхъ самыхъ земляхъ, гдѣ человѣкъ наисвободнѣйше жилъ, видѣлъ онъ нужду въ начальникѣ, ну-

жду повиноваться какому нибудь старшему, и поелику вЪ порядочномЪ теченіи дѣлЪ не примѣчено, чтобы какое нибудь государство могло состоять изЪ совершенно равныхЪ людей, то видно, что такое государство и быть не можетЪ.

Между тѣмЪ однако же во Франціи, гдѣ хотятЪ, чтобы всѣ были равны, находится теперь гораздо болѣе господЪ, нежели во всемЪ прочемЪ свѣтѣ. Но тѣхЪ, которые только вышнее начальство надЪ собою признавали, сдѣлали они подчиненными тѣмЪ, которые были подЪ ихЪ командою.

ВотЪ учрежденіе, поистиннѣ оскорбляющее всѣ законы равенства!-- оскорбляющее тѣмЪ болѣе, что ихЪ господство гораздо жесточае, нежели то, подЪ которымЪ мы жили, хотя оное, какЪ они утверждаютЪ, и совершенно Деспотическое было Когда столь общій законЪ обнародывается

какъ сей : *всѣ люди равны.* — То мнѣ кажется, что онымъ не исключается и вся чернь, однакожъ — онѣ сдѣлали это. Для доказательства, какъ они толкуютъ о вашихъ правахъ, хочу я привесть одинъ случай и вы увидите въ пользу ли народа служитъ сїе толкованїе.

За нѣсколько дней предъ симъ былъ я въ Дюнкирхенѣ и прогуливаясь въ гавани, встрѣтился съ капитаномъ одного купеческаго корабля. Я сталъ съ нимъ разговаривать, и между прочимъ зашла у насъ рѣчь о нынѣшнихъ произшествїяхъ. Онъ согласно со мною утверждалъ, что долженъ быть одинъ только начальникъ, отъ котораго бы всѣ повелѣнїя происходили. Онъ также и въ томъ былъ со мною согласенъ, что Нацїональное собранїе весьма худо поступало, и что союзъ учиненной 14 Іюля ничего не значилъ, и слѣдовательно совершенно смѣху достоинъ. Но напротивъ

онъ весьма сильно защищалъ систему, о равенствѣ людей. Примѣтивши его упорство, сказалъ я ему: государь мой! вы главной начальникъ на вашемъ кораблѣ: но корабельной служитель и матрозъ такїежъ люди, какъ и вы, равномѣрно вамъ подобные Французы, и сверхъ того несравненно болѣе васъ работаютъ. И такъ признайте ихъ равными вамъ, и поступайте съ ними по сему правилу. О! нѣтъ государь мой, отвѣчалъ капитанъ. Они мои наемники, зависятъ отъ меня и исправляютъ работу такъ, какъ мои служители. — Ахъ! Государь мой, возразилъ я ему, вы несправедливо сказали это. Корабль не вамъ принадлежитъ; люди находящїеся на ономъ вамъ не проданы; и вы точно также, какъ и они, получаете жалованье отъ того, чей корабль; однакоже; когда вы изъ пути возвратитесь, то вить онъ принимаетъ васъ какъ своего друга, какъ себѣ

равнаго, и позволяетъ вамъ вмѣстѣ съ собою кушать. —

Сей доводъ показался ему столь силенъ, что онъ не могъ сдѣлать противъ него отвѣта и мы съ нимъ разошлись. Подобно сему замѣтить должно также и то, что на корабляхъ бываетъ много столовъ. Корабельные служители имѣютъ особой и не смѣютъ почти ни съ кѣмъ другимъ ѣсть. Матрозы не могутъ имѣть стола съ корабельными начальниками, и такъ далѣе.

Не доказываютъ ли они чрезъ сїе сами, что мы не всѣ равны, да и быть не можемъ. На одни только добродѣтели имѣемъ мы равное право и провидѣнїе каждому изъ насъ назначило надлежащее мѣсто. Я утверждаю даже и то, что различїе состоянїй служитъ вмѣсто лѣстницы для всѣхъ честныхъ людей, и что каждой человѣкъ обязанъ

стараться о своемъ возвышенiи. Вотъ отъ чего произошли въ свѣтѣ столь великiя и славныя дѣла! а безъ сего благороднаго честолюбiя были бы мы всѣ подобны звѣрямъ. И такъ видно, что издавшiе такой безразсудной законъ, имѣли къ тому совсѣмъ другую причину. Они сдѣлали сiе для того, что будучи столь презрѣнны и подлы, не смѣли и думать о возвышенiи себя изъ низкаго состоянiя другими честнѣйшими способами. Однакоже при всемъ томъ они столь горды, какъ палачи, которымъ они равными себя сдѣлали.

Мы посмотримъ сколь далеко право человѣка простираться можетъ —, такъ какъ сiе слово вездѣ у насъ принято — такъ, какъ Нацiональное собранiе дало ему значенiе въ своихъ опредѣленiяхъ. Посмотримъ, отличается ли оно чѣмъ нибудь отъ народнаго и звѣрскаго права.

,, Я человѣкъ, я свободенъ; нѣтъ никакой власти надо мною; я всѣмъ и каждому равенъ, солнце свѣтитъ для одного меня; свѣтъ для меня сотворенъ; сей свѣтъ принадлежитъ мнѣ; я пройду оной отъ одного полюса до другаго и ни кто не имѣетъ права повелѣвать тамъ мною, я дѣлаю что мнѣ хочется, я могу итти куда мнѣ угодно будетъ; я не обязанъ никому, кто бы онъ ни былъ; давать отчетъ въ моихъ поведеніяхъ. Но ты не долженъ поступать противъ законовъ, говорятъ мнѣ,, — Гдѣ же эти законы? — мы имѣли законы, я знаю это: но они всѣ разрушены, а на мѣсто ихъ никакихъ еще не сдѣлано. Сверхъ того призывалиль меня для совѣту, когда сочиняли сіи законы? Я зналъ, что давно уже имѣлъ я оной съ націею и въ слѣдствіе того далъ моимъ подчиненнымъ высочайшее повелѣніе, уничтожить злоупотребленія, сдѣлать мудрыя распоряженія, и ничего

не погубляя содѣлать насъ ащстливыми. Вы дали клятву ни въ чемъ не уклоняться отъ высочайшей моей воли; но вы все это уничтожили. Учрежденія, которыя вами сдѣланы, совершенно безразсудны, и оканчиваются тѣмъ, что вы хотите похитить у меня власть, дабы чрезъ то вамъ самимъ укрѣпиться. И такъ вы нечто иное какъ разбойники, какъ злоупотребители; а по сему я и беру свои права обратно и не наблюдаю никакой умѣренности, когда уже всѣ границы преступлены.

Не имѣя ничего, я иду къ Богачу, и требую отъ него половины его имѣнія. Онъ противится; но я приставляю къ груди его пистолетъ, онъ долженъ сдаться. Правда, онъ будетъ мнѣ представлять, что это его собственность, плодъ его трудовъ, наслѣдіе его родителей: но я скажу ему въ отвѣтъ: *я такой же человѣкъ какъ и ты, и тебѣ*

не должно имѣть больше меня. Сверхъ же того не отняло ли Націиональное собраніе, — которое ты столь усердно защищаешъ и коего опредѣленія столь ревностно ободряешъ, — не отняло ли сіе самое собраніе отеческаго наслѣдства у всѣхъ помѣщиковъ, уничтоживъ права, которыя они или купили себѣ, или пріобрѣли отъ праотцевъ своихъ со временъ преданныхъ забвенію. Все, что я теперь дѣлаю, основывается на правахъ человѣчества, которые ты столь превосходными находишь.

Я не имѣю хижины; но вижу великолѣпной домъ, и такъ вхожу въ оной и остаюсь тамъ, понеже мнѣ онъ понравился.

Мой сосѣдъ имѣетъ жену или дочь; а у меня нѣтъ; чтожъ? — Я увожу у него ту или другую или и обѣихъ вмѣстѣ, имѣя единственнымъ основаніемъ то, что мнѣ такъ захотѣлось. Вотъ какъ происходитъ теперь все друзья мои! Я бы исто-

щилъ всѣ силы, естьли бы захотѣлъ вамъ совершенно представить, какъ далеко еще таковые обстоятельтва распространиться могутъ. Право человѣчества приводитъ теперь въ забвенїе всѣ возможныя злодѣянїя, какъ скоро кто хочетъ преступить границы. О! Я вамъ сказываю, что человѣкъ бываетъ въ такомъ случаѣ злѣйшимъ изъ всѣхъ животныхъ!!!

Я не намѣренъ перемѣнять тона, съ какимъ началъ говорить съ вами. Я вамъ уже сказалъ, что вы совершенно безумны, но теперь еще повторяю тоже, прося при томъ и впредь позволить мнѣ, увѣрять васъ въ этомъ.

Вы утверждаете, что вы были невольниками, и что не хотите болѣе быть таковыми; но я вамъ сказываю, что никакой народъ не былъ такъ свободенъ, какъ вы, и что вы теперь въ жесточайшей неволѣ находитесь, нежели тѣ, коихъ

ищутъ на Золотомъ (*) берегу. Вы сами утверждаете истинну сихъ словъ, что Французы единственно рождены къ тому, дабы съ ногъ до головы носить оковы.

Какъ? развѣ вы потому только не невольники, что обѣщана вамъ была свобода? Но откуда происходитъ столь слѣпая покорность опредѣленіямъ проклятія достойнаго собранія, которое не что иное есть, какъ скопище разбойниковъ попирающихъ ногами все, что есть свято.

Вы уже не невольники! Но отъ чего примѣчается въ васъ столь великое почтеніе къ розыскнымъ судамъ, которые не что иное есть, какъ инквизиція, и которые ужаснѣе всѣхъ адскихъ мученій? Сіи суды не имѣютъ другой цѣли, какъ только васъ преслѣдовать, дѣлать

(*) Часть Гвинѣйскихъ береговъ, гдѣ торгуютъ черными невольниками.

вамъ добродѣтель ненавистною и руководствовать васъ къ поноснѣйшимъ злодѣяніямъ, которыя вы всегда увѣнчевать готовы! — Великій Боже! и вы не ужасаетесь!

Вы невольники? Но не правда ли, что оковы ваши день отъ дня запираются крѣпче, и вы столь глупы, что цѣлуете оныя съ униженіемъ. Вотъ какъ щитаете вы сіе полезнымъ.

Вы не невольники? — Но почему же лишены вы тѣхъ владѣній, въ разсужденіи коихъ столь свято были вы обезпечены? Не было ли право собственности священнѣйшимъ изъ всѣхъ вашихъ правъ и во всѣ времена привлекавшимъ на себя вниманіе? Но теперь нѣтъ уже у васъ ничего собственнаго; все принадлежитъ націи, все собранію, которое имуществомъ вашимъ располагаетъ совершенно по своимъ прихотямъ.

Вы не невольники? — Развѣ потому, что Короля свергли съ престо-

ла, ввергли его въ оковы, и ежедневно угрожаете истребить его фамилїю а можетъ быть и его самаго? Но господинъ ла фаетръ, Белли, собранїе, чернь, Дистрикты, сорокъ четыре тысячи Меровъ и столько же урозыскныхъ судовъ; (ибо вездѣ учреждены оные,) держатъ васъ железномъ ярмѣ, и вы еще называете себя свободными? — О нѣтъ! я васъ увѣряю, что вы теперь въ гораздо большей неволѣ, нежели другой какой народъ на земли. Вы гораздо безумнѣе, нежели самое глупѣйшее животное. Боже мой какая ужаснѣйшая перемѣна! — Первая нацїя заставлявшая весь свѣтъ трепетать, находится теперь въ самомъ низкомъ состоянїи. Ахъ сколь непонятны ваши заключенїя! сколь безумны ваши предпрїятїя!

Французы! (я еще хочу васъ почтить симъ названїемъ,) не уже ли вы никогда не откроете глазъ на вокругъ васъ происходящее? Почи-

тайте насЪ, естьли вамЪ хочется, чудовищами, за то, что мы столь часто предсказывали вамЪ это, не дѣлая однакожЪ нималѣйшаго вамЪ оскорбленія, а напротивЪ того претерпѣвая по большей части сами отЪ того нещастія; но откройте глаза для вашей собственной пользы. Щастливѣе ли вы теперь, нежели до революціи были? —— Все увѣряетЪ васЪ, что вы должны погибнуть сЪ голоду, поелику коммерція совершенно истребилась; и поелику никто не смѣетЪ приняться за работу. И такЪ не хуже ли сдѣлалось государственное правленіе? ТакЪ точно, и оно едвали уже можетЪ притти вЪ прежнее состояніе.

Естьли хотя одно учрежденіе, которое бы дѣйствительно было для васЪ полезно, которое бы служило кЪ вашей выгодѣ. БезЪ сомнѣнія употреблена была одна только хитрость, чтобы сіи опредѣленія выпустить вЪ блестящемЪ видѣ, буд-

то они служили къ вашему облегченїю. Но гдѣ плоды, которые бы вы отъ того получили? Вамъ сказано было, что ни какого оброку не будете вы платить господамъ вашимъ; но не явное ли это воровство, когда вы исполняли сїе по самопроизвольному договору съ владѣльцами вашихъ земель? Вамъ приказано было возмутиться противъ умѣренныхъ вашихъ господъ, и вы это дѣйствительно сдѣлали. Но что же произошло? вы раззорили въ конецъ свои помѣстья, ни мало отъ того не обогатясь. Оброки, которые каждой изъ васъ платилъ за свою землю, были столь умѣренны, что едва были вамъ примѣтны, да и тѣ награждались гораздо большимъ выигрышемъ. Что же теперь происходитъ? Во первыхъ то, что вы привели ихъ не въ состоянїе подавать вамъ помощь, ибо и сами терпите крайнѣйшую нужду; во вторыхъ то, что не могши земли обработывать, при-

чинили вы тѣмъ вредъ торговлѣ. Вы знаете, что были изъ васъ нѣкоторые, кои за свою землю платя по одному талеру, получали отъ того барыша по сту талеровъ. И такъ вы видите, что причиною всего этого есть вышеписанное опредѣленіе. Еще болѣе, — теперь хотятъ, чтобъ вы либо платили оброки, либо отъ того откупались, говоря, что вы не правильно поняли намѣреніе націoнальнаго собранія. Оно знало довольно, какое отъ сего произойдетъ дѣйствіе, но вы были столь глупы, что поверглись въ сіи сѣти; Я васъ увѣряю, что вы будете платить какъ и прежде, а сверхъ того будете имѣть и то неудовольствіе, что поссоритесь съ своими господами, которые не скоро вамъ простятъ за то, что вы хотѣли ихъ погубить огнемъ и всѣми жесточайшими мученіями.

Когда вы имѣли въ своихъ деревняхъ по четыре человѣка бѣдныхъ,

то теперь будетъ ихъ по двѣсти, и вы принуждены будете просить милостыни у дверей Аристократовъ, коихъ вы въ конецъ раззорили, и коихъ истребить хотите. Не ужели вы думаете, что участь ваша будетъ ихъ трогать? — Имъ отвратительно будетъ смотрѣть на васъ; и они укажутъ вамъ на національное собраніе, которое вы столь часто благословляете, когда для вашего униженія выпуститъ оно новое какое нибудь учрежденіе; — на собраніе, которое вы столь ревностно защищаете думая, будто оно для васъ все сдѣлаетъ. Такимъ-то образомъ безумное ваше упорство повергнетъ васъ въ ужаснѣйшее отчаяніе и вы принуждены будете околѣть съ голоду.

Вы не платите болѣе десятой части доходу; но оная награждена податью, которая будетъ для васъ гораздо тягостнѣе. Хорошая ли, или худая жатва случится, вы всегда

должны будете платить тоже. На противЪ того, когда брали десятую часть, то вамЪ нѣчего было опасаться, естьли случалось, что вы ничего не имѣли и вы всегда желали, чтобы платить больше, ибо сїе значило, что вы желали большаго изобилїя.

ВамЪ сказано было, что подушное на всегда уничтожено быть должно. Сїе подлинно хорошо бы было и я давно уже сдѣлалЪ бы о семЪ предложенїе. Но мнѣ бы хотѣлось, чтобы шестьдесятЪ милїоновЪ, коихЪ король отЪ сего уничтоженїя лишается (и коихЪ онЪ терять не долженЪ) награждены были податью, которая бы для васЪ не столь была тягостна Но смотри, бѣдной народЪ! какЪ тебя обманываютЪ и какЪ легко обмануть тебя.

ВамЪ возвѣщаютЪ о союзѣ, и вы наполняетесь энтузїазмомЪ, хотя и несмыслите, что такое онЪ значитЪ. Дѣлаются безчисленныя прїуготовле-

нія; бѣдные журналисты, коихъ умъ и сердца увяли, дѣлаютъ похвальныя рѣчи на сіе торжество и превозносятъ оное выше всего, что только великолѣпнѣйшее могли произвести Аѳины и Римъ въ самые цвѣтущія свои времяна. (Это была вода для вашей мельницы.) Вы желаете повеселиться во время стенанія и бѣдности; въ то время, когда рука Предвѣчнаго часъ отъ часу сильнѣе васъ поражала; въ то время, когда отечество ваше повергдось въ горестнѣйшее состояніе, какому еще ни единое государство не подвергалось, наконецъ въ то самое время, когда съ ужаснымъ шумомь погребено оно было между собственными его развалинами.

Съ величайшими издержками велѣно было явиться въ Парижѣ цѣлой націи въ лицѣ ея депутатовъ; но не смотря и на это хотѣлось еще, чтобъ сіе торжество союза праздновано было во всемъ государствѣ, не

выключая и самыхъ малыхъ деревень въ одинъ день и часъ. Повсюду, гдѣ только находились пограничные войска, долженствовали они быть при семъ случаѣ. Вы думали, что это будетъ знаменитѣйшее торжество какое только когда либо было въ Римѣ; но это въ самомъ дѣлѣ было заблужденіе весьма похожее на глупость. Вы бы казнили смертію, естьли бы какой Аристократъ дерзнулъ не быть при семъ празднествѣ, и были столь глупы, что неразсмотрѣли, какъ вы по всей формѣ клялись предъ олтаремъ, что будете вѣчными невольниками и что вы дали свое согласіе жить подъ жесточайшимъ Деспотизмомъ, стенать подъ величайшимъ тиранствомъ. Но я вамъ покажу это.

Я ничего не скажу о клятвѣ, которую вы дали Королю и націи. Каждой французъ даетъ оную при самомъ своемъ рожденіи. Одинъ только измѣнникъ можетъ нарушить оную, но

вѣ то время многїе ее нарушили, а особливо Нацїональное собранїе. И такѣ весь союзѣ вольности былѣ совершенно безполезенѣ, естьли онѣ не имѣлѣ другой цѣли, кромѣ этой.

Вы дали клятву, всѣми силами защищать и свято содержать конституцїю. Но гдѣ сїя конституцїя? — Знаете ли вы ее? Она не существуетѣ; а вы вѣ угожденїе ей уничтожаете законы, которые были вамѣ извѣстны и по которымѣ вы клялись быть вѣ соединенїи. И такѣ чрезѣ новую присягу содѣлалися вы клятвопреступниками. Сїе очевидно; а сверьхѣ того вы симѣ же самымѣ доказываете, сколь велико ваше безумїе и сколь мало обѣ васѣ думать должно.

„Но конституцїя, говорите вы, будетѣ приведена кѣ концу. Насѣ не станутѣ обманывать; подтвержденїе королевское насѣ вѣ томѣ обезпечиваетѣ, а безѣ сего подтвержденїя была бы наша клятва ничто! —

Вотъ по чести прекраснѣйшее слѣдствіе! Боже милостивой! какъ вы не осмотрительны! развѣ не знаете вы, что король,, не есть уже король, даже и тѣни короля неимѣетъ. Онъ теперь не что иное, какъ безсильнѣйшее твореніе въ цѣломъ своемъ государствѣ. Онъ еще лучше можетъ называться невольникомъ, нежели вы; и его утвержденіе ничего не значитъ. Онъ ничего болѣе не дѣлаетъ, какъ только воздыхаетъ и подтверждаетъ все, чего вамъ хочется.

Естьли бы ему принесли для подписанія указъ, въ которомъ бы запрещалось хлѣбъ сѣять и обувь носить: то бы онъ утвердилъ его, и сіе было бы можетъ быть еще самое лучшее, что онъ могъ бы сдѣлать. И такъ не бѣдственнѣйшей ли и смѣху достойнѣйшей конституціи повиноваться вы должны? — Я бы ни мало не удивился, естьли бы вамъ приказано было удушать дѣтей, которые безобразны родились, и умерщ-

влять стариковъ, которые не могутъ уже оказать никакой услуги. Сей поступокъ былъ бы тѣмъ достойнѣе васъ, что жили народы, которые представляютъ намъ точно такїе же примѣры; а вы желаете подражать всѣмъ возможнымъ жестокостямъ, какїя только можно сыскать въ исторїи. — Чтоже дѣлать? — вы дали клятву въ повиновенїи.

Вы сдѣлали еще другую присягу, которая заведетъ васъ гораздо далѣе, нежели вообразить себѣ можете. Вы клялись платить всегда и всѣ, какїя бы ни случились подати, все, что ни будутъ занимать на ваше имя. — Но вы имѣли съ лишкомъ много довѣренности, позволивши и всей армїи дать такую же клятву - - - подумайте о томъ, что вы сдѣлали; посмотрите такъ ли хорошо было сїе торжество, и сдѣлались ли вы теперь свободнѣйшими? Подумайте, кто васъ боль-

те обманываетъ, Аристократы ли, или Національное собраніе? Посмотрите, сколь искусно завели они васъ въ свои сѣти! Я вижу, что подушное дѣйствительно опять возобновляется; вижу налоги за налогами; васъ не будутъ уже призывать къ совѣту; вы присягнули быть рабами и платить безъ ропшанія все, что на ваше имя занимаемо будетъ. Тутъ уже нѣкуда податься —— Вы должны молчать; хотя наложатъ подать и на воздухъ, которой вы глотаете, на бѣдной пукъ соломы, на коемъ вы будучи покрыты рубищами, станете оплакивать нещастное ваше бытіе.—— Вы присягнули повиноваться и захотите теперь противиться?—— О нѣтъ! развѣ вы забыли, что къ сей же клятвѣ принудили вы и всѣ пограничныя войска, всѣхъ Аристократовъ и всѣхъ Государственныхъ начальниковъ, которые могутъ васъ силою къ тому принудить. Видите ли теперь свою

глупость и сколько вы безтолковы! — Какъ это! вы дали клятву; вы, ваши жены, ваши дѣти, (ибо вы приносили даже и грудныхъ младенцевъ къ олтарю отечества,) и не предоставили себѣ права разсматривать положенїй Нацїональнаго собранїя, — собранїя состоящаго изъ всего, что только есть отвратительнѣйшее въ свѣтѣ! Можете ли вы спорить противъ сея величайшїя истинны? Вы сами знаете, что въ числѣ его членовъ находятся такїе, которые заслужили живые быть колесованы. Такїе-то мерзостные дѣла предали вы забвенїю. Вы знаете, что многїе изъ нихъ находятся въ столь высокомъ степени презрѣнїя, что вы не краснѣясь не можете быть съ ними вмѣстѣ. Вы знаете, что нѣкоторые изъ нихъ содѣлали всѣ роды злодѣянїй, даже въ то самое время, когда учинились они депутатами, и что хотѣли умертвить Королеву.... Я ужасаюсь при семъ сло-

вѣ — злодѣяніе сіе извѣстно всему свѣту. Вы знаете, что нѣкоторые изъ нихъ всѣмъ, что ни имѣютъ, обязаны благодѣяніямъ сей великой, но нещастной Королевы, и что тѣ, которые единственно отъ ея милости жили, наиболѣе противъ нее вооружились, какъ-то между прочими господа Ламеты. — Государи мои! кто однажды сдѣлался столь неблагодаренъ, тому уже и другія преступленія не будутъ трудны, тотъ впадетъ и во всѣ какого бы роду оныя ни были. — Между тѣмъ однако же вы видите, что такіе люди все у васъ дѣлаютъ Видите, какихъ вы защищаете, какимъ дали вы присягу въ повиновеніи, даже и самымъ опредѣленіямъ, которыхъ вы еще и не слыхали, дали вы клятву быть послушными. Судите теперь, трудно ли васъ обмануть, и не заслужилиль вы быть обманутыми?

Я не пройду вЪ молчанiи тѢхЪ членовЪ дворянства, которые оставили свое состоянiе. Это такой безчестной поступокЪ, который и цѢлыя столѢтiя не могутЪ привести вЪ забвенiе. ИзвѢстно, что не льзя повелѢвать образомЪ человѢческихЪ мыслей; всякой имѢетЪ свои; (щастливЪ, кто имѢетЪ справедливѢйшiе;) всякой, имѢющiй кЪ тому силу, долженЪ открывать свои мнѢнiя, развертывать свои воображенiя, защищать оныя сЪ жаромЪ, и настоять вЪ томЪ сколько можно, естьли увѢренЪ, что онЪ не ошибается! Но оставлять свою сторону и по ненависти стараться подкрѢпить противную партiю, значитЪ тоже, что навлекать на себя презрѢнiе и отЪ тѢхЪ, кого оставляемЪ; и отЪ тѢхЪ, кого защищать станемЪ; а сiе и дѢйствительно случилось.

Третiе состоянiе причиняло намЪ много зла. ВЪ числѢ онаго находятся

ужаснѣйшіе злодѣи, но есть между ими и совершенно добрые люди, которые точно такъ думаютъ, какъ большая часть дворянства и нѣкоторое число духовенства, кои по всему заслуживаютъ причисленны быть къ обѣимъ симъ состояніямъ. Но оставилъ ли хотя одинъ изъ нихъ свою партію, когда они раздѣлены были? Они защищались всѣми силами, понеже совѣсть ихъ къ тому принуждала. Такъ-то поступаетъ честной и добродѣтельной человѣкъ! Они остались вѣрными коронѣ, которую защищали; это была ихъ должность. Посмотрите теперь, справедливо ли сіе собраніе, и не заслуживаетъ ли оно совершеннаго отвращенія.

Будьте увѣрены, что я дамъ всему доказательство, что только утверждаю, и что не скажу ни единаго слова, которое бы не было совершенная истинна. Слушайте дальше.

Вы знаете, что собранїе при самыхъ худыхъ произшествїяхъ получило свое начало. Съ самыхъ первыхъ дней третїе состоянїе дѣлало великїя затрудненїя; оно хотѣло подвергнуть своему игу дворянъ и духовенство. Обѣ сїи стороны прибѣгли къ защитѣ; безпокойствїя начались въ столицѣ, а потомъ мало по малу распространились и по уѣздамъ. Все, что есть непрїятнѣйшее причиняли обѣимъ симъ состоянїямъ, которые ничего болѣе не дѣлали, какъ только защищали законныя свои права и держались обыкновенїй, которыя столь же древни, какъ и самая монархїя. Наконецъ сказано было, что, когда новое учрежденїе придетъ къ окончанїю: то собранїе не инымъ чѣмъ будетъ, какъ обществомъ имѣющимъ назидать тишину и благосостоянїе государства. Теперь учрежденїе приведено къ окончанїю, (и слѣдовательно собранїю должно бы уничтожиться:) но мы не только

далеко отъ того находимся, чтобы видѣть спокойствіе возстановленнымъ, но можемъ еще сказать, что нещастіе наше увеличилось. Король принужденнымъ себя находитъ призвать войска, дабы прекратить безпокойствія, но оныя еще болѣе умножились. Ему данъ былъ совѣтъ, удалить ихъ для приведенія всего въ прежній порядокъ; онъ ихъ отсылаетъ, но мы сдѣлались еще нещастнѣе. Ему сказано было, что должно учредить гражданское войско, и что сіе есть единственное средство для поправленія безпорядка. Заведены мѣщанскіе войска; но что же? Они свергаютъ съ престола Короля и мы часъ отъ часу дѣлаемся нещастнѣе. Ежедневно изыскиваются и приносятся новыя жертвы, но наше бѣдствіе ежедневно увеличивается.

И такъ не ясно ли видно, что сіе собраніе заклялось совершенно погубить Францію. Вамъ говорятъ сіе

и доказываютъ, но вы все еще закоренѣваете въ своей слѣпотѣ! —

Васъ ожесточили противъ дворянъ, духовенства, принцовъ, вельможъ и богатыхъ людей, и столько гнѣвъ вашъ противъ и ихъ воспалили, что вы хотѣли всѣхъ ихъ умертвить. *Они Аристократы, непріятели революціи, они злодѣи, которые своими разбойничествами повергли весь народъ къ ногамъ своимъ и желаютъ погубить его съ голоду.* Но мы посмотримъ, имѣютъ ли сіи жалобные пункты какую нибудь основательность? Они весьма важны, последуйте мнѣ и мы разсмотримъ, заслуживаютъ ли казнь сіи люди. Мы не окажемъ имъ ни малѣйшаго снисхожденія. Во первыхъ разсмотримъ мы несправедливость, которую вы имъ сдѣлали. Мы посмотримъ народное ли облегченіе имѣетъ цѣлію собраніе, уничтожая сіи состоянія.

Я безпрестанно слышу, что говорятъ будто Аристократы съ самаго начала Революцїи продолжаютъ свои заговоры. Сїе даже ежедневно печатается. Нѣкоторые утверждали, что съ самыхъ перьвыхъ дней Революцїи цѣлые гусарскїе полки марщировали скрытными дорогами, и будто они всѣ шли за тѣмъ, чтобы обратно завоевать Бастилїю. Сему, сколь оно ни мало имѣетъ достовѣрности, повѣрили однакоже, а причиною сего было то, что хотѣлось повѣсить на фонарномъ столбѣ хотя одного Аристократа. Но не смотря на то, что по ихъ мнѣнїю было сїе совершенно извѣстно, въ самомъ дѣлѣ ничего не происходило.

Цѣлая армїя маршируетъ другой уже день въ туже самую Бастилїю и равномѣрно съ тѣмъ, что бы взять оную обратно. Всякой говоритъ, будто ее видѣлъ. Мѣщане, чернь, словомъ сказать всѣ дѣлаютъ розыски. Но сїи проклятые Аристок-

раты сдѣлали армїю опять невидимою; они ее *заколдовали*, и сдѣлали такъ, что не видно и малѣйшаго ея слѣду. Они колдуны, ихъ надобно перевѣшать! — О друзья мои! естьли бы дѣти ваши разсказывали такїя небылицы, не одѣлилиль бы вы ихъ по пощечинѣ, дабы научить ихъ быть не столь глупыми и легковѣрными? — Но посмотрите вы сами тому вѣрите. И такъ незаслуживаете ли, чтобы точно также поступлено было и съ вами?

Всѣ надсѣлись, кричавши, будто Аристократы отъ одного конца королевства до другаго дѣлали заговоры въ то самое время, когда большая часть сихъ мнимыхъ бунтовщиковъ, либо сосланы были въ ссылку, либо добровольно ушли изъ Францїи. Что же касается до тѣхъ, которые не были обвинены, но которые не хотѣли быть при вышеозначенномъ праздествѣ, то они равномѣрно раз-

бѣжались, и таковыхъ была самая большая половина. А прочїе, которые еще остались, (да и то потому, что не могли поступить иначе; ибо я напередъ увѣряю васъ, что они всѣ давно бы ушли, естьлибъ можно было. Такъ-то вы имъ прїятны!) никогда не сходятся даже и по четыре человѣка вмѣстѣ. И такъ не смѣшно ли, чтобы одинъ человѣкъ мотъ заговоръ сдѣлать. *Вы знаете довольно, что революцїя произведена единственно помощїю многочисленныхъ, частыхъ и явныхъ стеченїй народа.* Не можно также и того сказать, чтобы сїе происходило письменно, ибо цѣлой свѣтъ знаетъ, что никто не смѣлъ писать даже къ самымъ искреннимъ друзьямъ своимъ, и что либо сряду, либо черезъ день безпрестанно шелъ у насъ дождь. Между тѣмъ однакоже открыто было множество заговоровъ. Все сїе происходило отъ проклятыхъ журналистовъ, которые такими небылицами

забрасывали народъ. Я даже и теперь еще ежедневно слышу кричащихъ: *Вотъ вновь открытой заговоръ Аристократовъ*! Ежедневно читаете вы такія пустоши съ новою жадностію. Вы лишаете себя насущнаго хлѣба, дабы только покупать сіи поносныя пасквили, (вотъ вамъ и подать!) хотя и никогда не видите въ нихъ основательности и доказательствъ. Между тѣмъ однакоже должно признаться, что когда вамъ съ годъ уже или года съ полтора каждой день кричатъ: *Вотъ здѣсь точные описанія новаго заговора! Вотъ здѣсь такія-то и такія произшествія со всѣми обстоятельствами*, и когда вы не смотря на то, что ни одно изъ нихъ не было справедливо, и что изъ всего вамъ сказаннаго, не нашли вы ничего, чтобы имѣло хотя малѣйшій видъ справедливости, когда говорю я, не смотря на все сіе вы всему вѣрите: то вы должны быть глупѣе осла, *глупѣе вороны, обманутой хитрою лисицою.* Не уже ли вы и те-

перь вѣрите, когда говорю вамъ, что ничего этого доказать не можно? — Естьли такъ, то вы должны быть глупѣе скотовъ, и я жалѣю, что принужденъ былъ говорить съ вами объ этомъ. Однако же я самъ былъ бы такимъ же, когда бы не старался привесть васъ въ разсудокъ.

Естьли бы вамъ сказано было, что Китайской Императоръ посылаетъ Аристократамъ въ помощь 400000 войска и множество пушекъ, въ воздушномъ шарѣ: то вы бы тому тотчасъ повѣрили, даже хотя бы и противной вѣтръ дулъ; а тому, что яснѣе солнца, не хотите вы вѣрить ни въ одномъ словѣ, какъ скоро касается оно до вашихъ обманьщиковъ. Такъ-то велико ваше упрямство! Но я вамъ еще говорю, что одни только глупцы бываютъ столь упорны. Тѣ которые васъ обманываютъ, знаютъ это такъ хорошо, что самымъ грубѣйшимъ образомъ

ежедневно пробуютЪ вашу легковѣрность. Мы разсмотримЪ дѣло исподоволь и по порядку.

ВамЪ говорятЪ, что всѣ Принцы, всѣ господа изнуряли бѣдной народЪ тяжкими оброками, и будто издержки ихЪ столь неумѣренны были, что они поглотили бы четыре такїе государства, какова Францїя. —— (Не малымЪ бы обжорамЪ быть имЪ надлежало.) Но посмотримЪ, ко вреду ли то служило бѣдному сему народу.

Я не потатчикЪ таковымЪ оброкамЪ. Я самЪ спорилЪ противЪ этаго также какЪ и другїе, однако же не дѣлалЪ никакихЪ поджеговЪ. Я бы желалЪ только того, чтобы сїи ужасныя злоупотребленїя исправлены были, (что и весьма легко было,) Но страдалЪ ли отЪ того бѣдной народЪ? (Которой всегда предлогомЪ поставляютЪ.) НикакЪ! —— НапротивЪ того можно сказать,

что сїе и было единственнымъ источникомъ его благополучїя. Вотъ доказательство!—

Всѣ Принцы, Вельможи, дворянство и богатые мѣщане дѣлали весьма великїя издержки, — говорите вы, — но посмотримъ какимъ образомъ? — Они имѣли великолѣпныя строенїя. Но не ужели сїи зданїя, наилучшїя признаки величества народнаго, — Монументы, которые, естьли кому угодно сказать, посвящены были гордости и хвастовству, но которые не только служили украшенїемъ городу, но и притомъ по всемѣстнымъ своимъ множествомъ показывали, что они были жилищемъ великаго, вольнаго народа, народа, коего богатство возвѣщало его силу. — Не ужели сїи зданїя, говорю я, воздвигнуты изъ пыли тиранствомъ владѣтелей и обязаны своимъ происхожденїемъ кровавому поту подданныхъ.

Нѣтъ! — По истиннѣ несправедливо! Гораздо лучше можно сказать, что простой народъ лишась сея работы, остался совершенно какъ обокраденъ. Тысячи плотниковъ достигли чрезъ то щастїя и милїоны работниковъ нѣсколько лѣтъ получали отъ того пропитанїе. Но какъ сїи работники, сїи плотники были безъ сомнѣнїя изъ числа бѣдныхъ людей: то и видно, что расточительность господъ въ семъ случаѣ ни мало ихъ не угнѣтала.

Сїи зданїя имѣли нужду во внутреннемъ украшенїи. Какое множество мебелей потребно къ тому было! Всякому хотѣлось имѣть великолѣпнѣйшїя и богатѣйшїя. На всѣхъ манифактурахъ въ государствѣ работали день и ночь, (а теперь отдыхаютъ оныя;) слѣдовательно наилучшїя художники, остроумнѣйшїя головы имѣли случай оказывать свои таланты и были обезпечены въ полученїи хорошей платы. По причинѣ

употребленія всѣхъ родовъ украшеній многія дарованія были въ дѣятельности. Изъ чего и слѣдуетъ, что большія издержки соотвѣтствовали работѣ, коея, какъ всякой знаетъ, внутренняя цѣна обыкновенно почти ни во что ставится. Какимъ же сортомъ людей производилася сія работа? —— Не правдали, что тѣми, которые ничего не имѣютъ? —— А когда такъ, то бѣдной народъ и чрезъ сіе не былъ утѣсняемъ, а напротивъ того сказать можно, что въ руки его цѣлыми рѣками лилось государственное золото. Когда работникъ имѣлъ хотя малѣйшее какое дарованіе; то уже обнадеженъ былъ въ своемъ щастіи, или по крайней мѣрѣ жилъ довольно хорошо, опредѣляя самъ цѣну своимъ дарованіямъ.

Богатые иностранцы, которые пріѣжжали во Францію, съ удивленіемъ разсматривали сіи зданія. Они возхищалися хорошимъ вкусомъ, которой въ оныхъ владычествовалъ. Они

старались перенесть въ свое отечество всѣ предмѣты роскоши, какія только достать могли. А сіе и доставляло ремесленникамъ нашимъ и художникамъ безпрестанную работу. Сіи иностранцы перевозили намъ свое золото; а мы имъ на противъ того промѣнивали либо натуральныя, либо искусственныя продукты. Теперь же лишились мы всѣхъ сихъ средствъ вспоможенія. — *Но за то, говорятъ мнѣ будемъ мы имѣть хорошую конституцію.* — Сомнительно, государи мои! Правда нельзя спорить, что смѣшно было смотрѣть, какъ одинъ партикулярной человѣкъ долженъ былъ имѣть около сотни лошадей и толикоеже число служителей. Я разумѣю это — Но ко вредули народу было сіе великолѣпіе? Никакъ, лучше сказать, что оно дѣлало его щасливымъ. Купецъ продавалъ кормъ такою цѣною, какъ ему хотѣлось; лошадиной заводчикъ возвышалъ цѣну на лошадь даже до ста луидо-

ровъ, за которую не получилъ бы онъ и десяти луидоровъ, естьлибы не покупали столь много. Всѣ лакеи должны бы были приняться за нищенскую суму, когда бы большїе господа могли сами для себя исправлять ихъ должность. И такъ не къ щастїю ли сїе служило народу, что дѣлались такїя издержки? или покрайнѣй мѣрѣ, не получалъ ли онъ отъ того хотя нѣкоторой себѣ пользы? — Сїе ни малому сомнѣнїю не подвержено; а потому и выходитъ, что безсовѣстно будетъ со стороны народа, укорять Аристократовъ въ томъ, отъ чего зависѣло его пропитанїе.

Естьли бы каждой человѣкъ не болѣе дѣлалъ издержекъ, какъ сколько потребовала бы величайшая нужда: то почти всѣ сокровища земли были бы безплодны и болѣе трехъ четвертей обитателей ея должны бы были за неимѣнїемъ работы помереть съ голоду. — Мы сдѣлалися бы

звѣрями. И такъ по всей справедливости сказать можно, что хотя роскошь и дѣлаетъ нѣсколько вреда, но несравненно больше приноситъ пользы. Все слѣдовательно было хорошо, но еще гораздо бы могло быть лучше, когда бы на томъ только остановились, чтобы истребить злоупотребленїя такъ, какъ сїе имѣли цѣлїю всѣ сочиненїя и какъ повелѣлъ Король.

Говорятъ ихъ столъ былъ чрезвычайно дорогъ. Я и самъ тоже скажу. Бывали такїе прожоры, что одинъ съѣдалъ по Литрону (*) (шестая часть четверика) сахарныхъ стручьевъ, которые стоили двухъ сотъ ливровъ, потому что они въ первой разъ еще тогда показались. Это такой поступокъ, которой по крайнѣй мѣрѣ фонарнаго столба достоинъ:

(*) Литронъ Французская хлѣбная мѣра, въ которую пшеницы входитъ $1\frac{1}{4}$ фунта.— Въ вышину онъ $3\frac{1}{2}$ дюйма, а въ поперекъ 3 дюй. и 10 линѣй.

ибо на двѣсти ливровъ легко двѣсти бѣдныхъ людей прокормить можно бы было. Но мы не хотимъ быть скоры въ своихъ заключенїяхъ. Позвольте разсмотрѣть дѣло точнѣе, дабы послѣ ни въ чемъ нельзя было упрекнуть насъ

Сїе количество сахарныхъ стручьевъ по внутренней своей цѣнѣ стоило двенадцати Су, да и то еще потому что это были первенцы плодовъ. Но садовникъ безъ сомнѣнїя не захотѣлъ бы пахать три, или четыре десятины земли для посѣянїя столь малаго количества сахарнаго гороху и везти его можетъ быть миль дватцать, естьлибы надѣялся получить только такую малую цѣну. Богачь не далъ бы за нихъ двухъ сотъ ливровъ, естьлибы они вездѣ были и продавались по двенатцати Су. Онъ бы конечно поберегъ свои деньги, — естьлибы не имѣлъ сего преимущества, и естьлибы не могъ тѣмъ успокоить своихъ желанїй, которые въ томъ со-

стоятъ, чтобы пользоваться какою нибудь самою рѣдкою вещїю, и естьли можно такою, которую бы никто имѣть не могъ. Онъ бы закопалъ свое богатство и мы въ скоромъ времени увидѣли бы всѣ деньги, долженствовавшїе обращаться въ Государствѣ сокрытыми въ землѣ, и на всегда лишенными способности приносить пользу обществу, ибо въ семъ случаѣ никто не сталъ бы тратить больше другаго. Слѣдовательно, когда бы рѣдкїя вещи, которые имѣютъ только воображаемую цѣну, не для богатаго преимущественно опредѣлены были: то онъ не дороже бы сталъ платить за оные, какъ и всякой другой. Разсмотрите теперь ваше безумїе. Не ужели вы всегда будете столь несмысленны, что ни чему больше вѣрить не станете, какъ только совершеннымъ небылицамъ?—— Естьли такъ: то право васъ нельзя иначе щитать какъ развѣ за чучалъ, зашитыхъ въ человѣческую кожу, за

чучалъ унижающихъ наилучшее произведенiе Предвѣчнаго.

Вы говорите, что народъ угнѣтенъ былъ сими глупыми издержками: но я вамъ докажу, что они его обогащали, и не прежде оставлю сiю матерiю, какъ развѣ тогда, когда принужу васъ признаться, что вамъ весьма полезны были сiи усердные моты.

Не ужели сiи двѣсти ливровъ, коими можно бы было прокормить двѣсти бѣдняковъ, были причиною, того, что народъ находился въ утѣсненiи? — О глупые скоты! — Какъ вы не видите, что сiе дѣйствiе не только не приводило народъ въ слабость, но еще способствовало исполненiю вашего желанiя: ибо чрезъ него дѣйствительно двѣсти бѣдныхъ получали пропитанiе? — Вы сами признаетеся, что для общества все равно, одинъ ли человѣкъ въ двѣсти дней, или двѣсти человѣкъ въ одинъ день получатъ отъ чего нибудь про-

питанïе, и я думаю, что согласитесь со мною въ томъ, что тотъ, которой трудится, преимущественно долженъ получать пропитанïе предъ тѣмъ, которой ничего не дѣлаетъ. А когда такъ, то изъ сего и выходитъ заключенïе, на которое естьли можете, я вамъ приказываю отвѣтствовать, то есть, что богатой не болѣе тратитъ какъ и бѣдной: ибо онъ не болѣе съѣлъ какъ только малое количество сахарныхъ стручьевъ, которые едва стоили двенатцати Су (*); а садовникъ, которой можетъ быть имѣетъ многочисленную семью, долженствующую платить великую подать, замѣнилъ вдругъ всѣ издержки своего саду, и сверхъ того еще удержалъ довольное количество плодовъ въ остаткѣ: ибо извѣстно, что проданная имъ часть едва примѣтна. И такъ признайтесь,

(*) Су или Соль Французская монета соотвѣтствующая нашей копѣйкѣ.

что вы весьма глупы и посмотрите, заслуживаете ли вы по справедливости любовь и стараніе, которое объ васъ прилагаютъ! —

Вы думаете, можетъ быть, что я самъ весьма богатъ и слѣдовательно собственная моя польза требуетъ такъ говорить? — Но нѣтъ, вы и тутъ ошибаетесь. Я ничего болѣе не имѣю, какъ только весьма малые доходы, которые находятся у Короля и которыхъ мнѣ не платятъ. Можетъ быть вмѣсто отказу дадутъ мнѣ нѣсколько ассигнацій, которые я столько же уважаю, какъ дубовые (*) листья. Такимъ образомъ я мо-

(*) Что ассигнаціи весьма нужны и полезны, а особливо въ такомъ государствѣ, которое имѣетъ обширную торговлю, въ томъ никто, особливо же здѣсь въ Россіи, сомнѣваться не можетъ. Всякой знаетъ, сколь они полезны въ пересылкѣ и перевозкѣ, судя по пространству нашего государства. Но отъ

гу сказать, что ничего не имѣю. Однакоже мнѣ хочется сдѣлать васъ щастливыми, и естьли можно исторгнуть изъ заблужденія, въ которомъ вы находитесь.

чего же произошло, что во Франціи приняты они съ такимъ презрѣніемъ? — Сіе не отъ другаго чего, какъ отъ того, что попричинѣ недостатка въ казнѣ и во всемъ государствѣ наличныхъ денегъ, вывезенныхъ перебѣжчиками въ другія земли, и по причинѣ чрезвычайной суммы выпущенныхъ Французскимъ правительствомъ ассигнацій, а именно четырехъ сотъ миліоновъ, истребился какъ общій такъ и частной кредитъ или довѣренность. Ибо правительство уподобляется въ семъ случаѣ векселедавцу, а ассигнаціи даннымъ отъ него векселямъ. Но согласится ли кто повѣрить такому человѣку, которой имѣя напримѣръ 1000 рублей, захотѣлъ бы дать на себя векселей на 100000 рублей? — Безъ сомнѣнія никто: ибо вексель, которой не имѣетъ по себѣ надежнаго

,,Не это насЪ мучитЪ, скажете вы — не это, но другое гораздо тягостнѣйшее. ТакЪ!... это я знаю и находя оное (можетЪ быть болѣе нежели вы,) отвратительнымЪ, не только не защищаю, но когда оно истребляетЪ благосостоянїе общества: то равномѣрно признаю его вреднымЪ.

Сей богачъ, сей крoвoпiйца народа, которой все пожираетъ, которой бѣдному не хочетъ подать ни единаго Су, даетъ своей любовницѣ (непотребной женщинѣ) *каждой мѣсяцъ по тысячи Луидоровъ* (*) *и воздвигаетъ ей великолѣпныя палаты.* ТакЪ этимЪ-то народЪ столь ужасно утѣсняется? — О какая же грубая ошибка! — Не ужели вы не видите,

---

закладу и по которому слѣдовательно нѣтЪ никакой надежды получить платежа, есть не что иное, какЪ пустой клочекЪ бумаги — П.

(*) ЛуидорЪ Французская монета, равняющаяся 448 копѣйкамЪ.

какъ желая васъ мучить, непримѣтно стараются о вашемъ благосостоянiи. Вамъ хотятъ возвратить имѣнiе, которое часто худыми средствами прiобрѣтается. Правда, дорога сiя не очень къ тому способна: ибо кто любитъ одного только себя, тотъ есть Егоистъ. Однакоже въ то самое время, когда онъ все для себя дѣлаетъ, плоды его старанiя не другому кому, какъ вамъ достаются.

Сiя дѣвушка есть простаго рода. Родители ея и сродники находятся въ бѣдности. Она всѣмъ имъ даетъ пропитанiе. (Покрайнѣй мѣрѣ большая часть такихъ дѣвушекъ принадлежатъ къ сему роду.) Ей надобно имѣть самую лучшую карету. Что же? Не вы ли ей оную дѣлаете? Вы знаете также, что она скоро ею наскучитъ и захочетъ имѣть другую. И такъ вы ей представляете самую лучшую, какая только сыщется у васъ. Вы держитесь наруж-

ной красоты, (въ томъ состоитъ вашъ вкусъ) и продаете товаръ свой двойною цѣною.

Дѣвушкѣ надобенъ домъ наилучшимъ образомъ украшенной. Ей надобны уборы, платье, бриліанты и пр. Не уже ли все сіе служитъ къ угнѣтенію народа? — Никакъ; онъ чрезъ то обогащается. Нельзя и тогда сыскать, естьли изчислять всѣхъ людей, которые живутъ на щетъ дураковъ. И такъ Національное собраніе не можетъ сказать, что оно старается о вашей пользѣ, когда богатыхъ приводитъ въ раззореніе. Гораздо лучше сказать, что оно васъ самихъ ввергаетъ въ погибель: ибо вы только помощію богатыхъ и существовали. А знаете ли кому сіи мосты вредъ причиняютъ?... Собственнымъ своимъ фамиліямъ, которыя оставляютъ они въ самомъ безпомощномъ состояніи и ввергаютъ въ величайшую бѣдность, когда все свое имѣніе переведутъ въ ваши руки.

уѣздные дворяне, которые вообще составляютъ самой бѣднѣйшій родъ людей, имѣютъ однако же нѣсколько суетности. Молодая госпожа видитъ въ театрѣ, или на гуляньѣ какую нибудь изъ сихъ дѣвушекъ убранную наилучшимъ образомъ; ей тотчасъ приходитъ въ голову, чтобы также убраться. Тотчасъ призываются модные торговки. *Мадамъ хочетъ имѣтъ наилучшій уборъ.* Другія женщины, ея подруги завидуютъ тому; имъ всѣмъ хочется имѣть подобное. Они сносятъ величайшія нужды, дабы только блестѣть съ наружи. Вотъ печальная жертва самаго грубаго невѣжества! — Но обременяютъ ли народъ сіи глупости? Никакъ! — Они обогощаютъ его, говорю я, и вы бы всѣ съ голоду околѣли, естьли бы богатые убѣгали роскоши. Ихъ мотовство дѣлаетъ то, что все ихъ богатство переходитъ въ ваши руки. Естьли же причиняетъ кто вредъ обществу, то это ску-

ные, которые безпрестанно скопляютЪ, не трашя ни малѣйшей части изЪ ихЪ богатства. Они-то по истиннѣ служатЪ бременемЪ для государства и вы видите сколь сильно ошиблися вы вЪ выборѣ жертвЪ вашей ярости.

Теперь спрошу я васЪ еще: откуда происходятЪ всѣ наши Актеры? Не правда ли, что изЪ простаго народа? Это точно такЪ. Кто же имЪ доставляетЪ часто столь смѣшное щастïе, а особливо вЪ Парижѣ? — Не другой кто какЪ только Аристократы. Но посмотрите! — Сïи бѣдные шуты первые воздвигли войну противЪ АристократовЪ; они первые взбунтовались не смотря на то, что получали отЪ Короля пенсïи. Они возстали противЪ Государя, и хотя имЪ предоставлены были маленькïя ложи, которые составляли наилучшïй ихЪ доходЪ, но я думаю, что они всѣ лишатся

своихъ пенсїй: ибо весьма ясно оказалось, что они недостойны оныхъ.

Не лучше ли бы они сдѣлали, естьли бы остались въ Неутралитетѣ и сказали: *мы всѣмъ обязаны своимъ щастїемъ; а для того и должны стараться о безопасности каждаго.* Всякой похвалилъ бы ихъ за это. Но они поступили со всѣмъ тому напротивъ. Они обезчестили свои театры пїэсами, которые хотя и приноровлены были къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ, но столь глупо, что издателямъ сихъ пїэсъ нельзя приписать лучшей похвалы, какъ уподобя ихъ ослу, желавшему быть судїею. Вотъ причина для чего въ нынѣшнее время всѣ честные люди тщательно убѣгаютъ театра.

Но не одни актеры, а даже и тѣ, которые имѣли пропитанїе отъ своего ремесла, оказали не болѣе разума и честности. Послушайте, что я видѣлъ.

Нѣкоторой музыкантъ, котораго я любилъ и уважалъ, такъ какъ честнаго и хорошими свойствами одареннаго человѣка, ввергнулся въ такоеже безумїе, какимъ страждутъ теперь почти всѣ наши депутаты. Я разговорился съ нимъ однажды о нынѣшнемъ нашемъ бѣдствїи. ,, Это правда, государь мой! сказалъ ,, онъ, я разорился, ничего болѣе не ,, дѣлаю и отправляю должность ,, солдата безъ жалованья. Чувствую ,, также и то, что никогда не мо- ,, гу наградить той потери, кото- ,, рой я подвергнулся чрезъ Револю- ,, цїю: но я утѣшаюсь, предвидя, ,, что мои дѣти будутъ когда ни- ,, будь щастливы. ,, Онъ имѣлъ трехъ или четырехъ сыновей, которые также музыканты были и подобно отцу оставили свое искусство. Конечно, государь мой, сказалъ я ему, вы имѣете довольно имѣнїя и можетъ быть оставите дѣтямъ вашимъ хорошее наслѣдство, или имѣете на-

дежду, что они получатъ со временемъ знаменитыя должности? ,, Ни-
,, какъ, отвѣчалъ онъ. Они одного
,, со мною ремесла и я ничего болѣе
,, не предвижу для моихъ потомковъ,
,, какъ только, что они вѣчно будутъ
,, музыкантами. ,, Вы въ семъ случаѣ весьма глупы, сказалъ я. Революцїя лишила васъ и исскуства и разума: ибо человѣкъ, коего все богатство состоитъ въ двухъ рукахъ, которой со всѣмъ своимъ прилѣжанїемъ едва получаетъ дневное пропитанїе, и которой слѣдователно также и дѣтямъ своимъ не можетъ ничего другаго оставить, кромѣ какого нибудь изъ сихъ средствъ пропитанїя, такой человѣкъ, говорю я, не долженъ промѣнивать настоящаго и несомнительнаго, на неизвѣстное быть могущее. Въ прочемъ и все ваше умствованїе весьма ложно.

Вы сами говорите, что тѣ, которые прежде богаты были, приве-

дены теперь въ совершенное раззоренїе, что они останутся навсегда въ въ такомъ состоянїи, и что съ ними справедливо такъ поступлено. Но вы забыли, что щастїе ваше зависѣло единственно отъ ихъ изобилїя, и что вы имѣли бы вѣчное пропитанїе отъ безполезныхъ ихъ издержекъ. Теперь же будьте увѣрены, что они имѣя только для самыхъ необходимыхъ нуждъ потребное, не станутъ уже на это тратить денегъ, и слѣдовательно науки и художества будутъ только служить для препровожденїя времени. Ваше ремесло сдѣлается безполезное, и какъ дѣти, такъ и все потомство ваше принуждено будетъ погибнуть голодною смертїю.,, Не смотря на все это, сей первостатейной дуракъ остался по прежнему сумазбродомъ, и я принужденъ былъ съ нимъ разстаться, не безъ сожалѣнїя о его нещастїи.

Вотъ образъ мыслей, которой питаютъ всѣ друзья Революцїи! Вотъ

жребій, коему они подвергаются! Въ то время когда имѣли только одного Короля, оплакивали они горестное свое бытіе и проклинали правительство, какъ скоро требовали отъ нихъ хотя одного Талера: но теперь когда по отнятіи всего стараются увѣрить ихъ, что все имъ доставлено, и когда оковывая ихъ цѣпями, говорятъ, что они свободны: то прославляютъ они небеса, за ниспосланное для поглощенія ихъ чудовище. Не доказываетъ ли это, что Французы дѣйствительно произведены для невольничества, и что ихъ желѣзнымъ скиптромъ управлять должно? Италіанскій министръ имѣлъ довольную причину сказать своему Государю: (которой хотѣлъ ободрить народъ свой.) *Ваше Величество! Французы не прежде исправляются, какъ развѣ когда ихъ побольше навьючатъ.* Посмотримъ теперь, какой классъ народа дѣйствительно долженъ сно-

сить притѣсненія богатыхъ, забывающихъ человѣчество и гласъ совѣсти?

Я прямо утверждаю, что это тотъ нещастнѣйшій сортъ людей, коего вы наиболѣе преслѣдуете;.. Тотъ, которой въ молчаніи сноситъ всѣ свои нещастія.---- Тотъ, которой ни чего не предпріемлетъ противъ своихъ гонителей.--- Тотъ на конецъ, которой совершенно бы отъ васъ истребленъ былъ, естьли бы осмѣлился произнести хотя одно слово,-- познайте въ сихъ чертахъ дворянство.---- Такъ! дворянство и притомъ самое бѣднѣйшее дворянство должно платить всѣ сіи вынуждаемые деньги (Erpressungen,) или по крайней мѣрѣ сносить притѣсненія. Я вамъ докажу это.

Когда государство задолжится, не правда ли; что все бремя податей падаетъ на помѣстныя земли. *Безопаснѣе*; скажете вы и возразите, что не одно дворянство владѣетъ оными.

такъ! Я это знаю. Но тѣ, которые не изъ дворянства, и имѣютъ помѣстья, по большой части производятъ торгъ. Поступая такимъ образомъ, избавляются они съ одной стороны отъ убытку, которой бы съ другой стороны долженствовали они понесть для государства. Но дворянство не имѣетъ ни какихъ отговорокъ, и его счастїе исчезаетъ по мѣрѣ тяжести. Что же касается до откупщиковъ: то и объ нихъ нельзя сказать, будто платятъ они не меньше дворянства: ибо они даютъ откупъ по мѣрѣ тяжестей соединенныхъ съ какимъ нибудь помѣстьемъ.

Но всѣ товары, скажете вы мнѣ, обложены пошлинами. Такъ я это довольно знаю. Но неправдали, что я и въ семъ случаѣ несу убытокъ; а купецъ на противъ того нетолько не теряетъ, но еще чрезъ то и выигрываетъ. Положимъ на примѣръ, что съ аршина сукна берется въ годъ пошлины пять

Су. Чтоже? ---- Купецъ не опасаясь потерять чрезъ то честь свою, продаетъ мнѣ аршинъ шестью Су (то есть шестью копѣйками) дорожe. Не правдали, что пошлина его обогащаетъ, а я напротивъ того одинъ несу весь убытокъ? —— Вотъ каковы обстоятельства торговаго человѣка, а тожe самое можно сказать и о всѣхъ. Работникъ, журналистъ, лакей и пр: естли покупаютъ подобно мнѣ дорогою цѣною: то въ замѣну того берутъ съ меня за труды свои и услуги гораздо дорожe. Одно только дворянство не могущее производитъ никакого торгу, должно платить безпрестанно.

Я имѣю несчастной контрактъ съ Королемъ. Предки мои положили свой капиталъ въ королевскую казну. На сіе обязательство сдѣлана уже тысяча уступокъ; а скоро онъ и ничего не будетъ значить. ---- Что касается до меня, то я всегда его

берегъ, да и теперь еще сохраняю. Но такихъ гораздо больше, которыхъ обстоятельства принудили за безцѣнокъ продать ростовщикамъ свои контракты. Вотъ начало Акцїй! Вотъ поносное средство, чрезъ которое ростовщики разбойнически составляютъ свое счастїе! Можетъ быть хотѣли бы ихъ наказать: но наказать ихъ не льзя не обидя вмѣстѣ и многихъ честныхъ людей. Я ожидаю, нужда меня стѣсняетъ, я дѣлаю это, впадаю въ несчастїе и дѣлаюсь жертвою, которую сверхъ того еще и погубить хотятъ. --- За что же? --- Что я сдѣлалъ? ---

Я оказалъ отечеству моему отличныя услуги. Я тысяче-кратно проливалъ за него кровь свою. Всякой получаетъ пенсїю, слѣдовательно и мнѣ не будетъ въ томъ отказу. Но чтоже? Она такъ мала: что я едва могу ею пропитаться. Государство имѣетъ безпрестанную нужду въ

деньгахЪ; и такЪ для збереженія оныхЪ востаютЪ противЪ пенсій. Моя подвергается такому же жребію, правда не вЪ разсужденіи моихЪ заслугЪ или причины, по которой я получилЪ оную, но вЪ разсужденіи количества суммы. Когда я имѣю 1200 ливровЪ и изЪ того удерживаютЪ у меня четвертую часть, скажите, могу ли я пропитаться 900 ливрами, (а это точно такЪ выходитЪ: ибо кто получалЪ сто тысячь ливровЪ, пользуется теперь не болѣе какЪ семью, десятью, пятью,) естьли представите себѣ возвышеніе цѣны на всѣ жизненные припасы и заработки (Arbeitslohn,) котораго я, такЪ какЪ и всѣ люди долженЪ опасаться по мѣрѣ моихЪ издержекЪ? И такЪ я правду говорю, что бѣдное уѣздное дворянство есть дѣйствительно тотЪ сортЪ людей, которой одинЪ долженЪ нести бремя всѣхЪ налоговЪ. Смотри теперь безумой народЪ! ВотЪ состояніе АристократовЪ, противЪ кото-

рыхъ тебя вооружить старались! — Противъ нихъ-то ты столько подозрѣваюшъ? — Ихъ-то ты столь сильно за привилегіи ненавидишъ! — Подлинно они для тебя тяжкое бремя! —

Знатное дворянство расточительностію своею доставляетъ вамъ богатѣйшій доходъ, а бѣдное дворянство равномѣрно много приноситъ пользы щастливымъ для васъ предразсудкомъ, будто оно не можетъ обойтись безъ услугъ вашихъ. Подумайте, что бы изъ васъ было, естьли бы опредѣленія Національнаго собранія точно исполнялись? Я утверждаю, что они совершенно ко вреду вашему сдѣланы.

Вамъ дано было знать, что имѣніе духовенства не только наградитъ весь недостатокъ, но еще произведетъ и остаточную сумму, которая избавитъ васъ отъ всѣхъ налоговъ. — И вы этому повѣрили? —

Но правду сказать, вы тому только и вѣрите, что не имѣетъ въ себѣ ни малѣйшей вѣроятности. — Съ того самаго времени духовенство сдѣлалось предмѣтомъ вашихъ гоненій. Но какъ вы глупы!

Собраніе опредѣлило, чтобы сіи имѣнія принадлежали націи. Оно положило продать ихъ, и дало повелѣніе отдать оныя за четыреста миліоновъ. — Но послушайте.

Не правда ли, что естьли вы хотите продать какую вещь, то стараетесь какъ можно выставить ее въ наилучшемъ видѣ, дабы взять большую цѣну? — Это весьма натурально. Но Національное собраніе поступило совсѣмъ тому напротивъ, дабы и зло, которое оно дѣлаетъ, произвести какъ можно хуже.

Оно сдѣлало начало тѣмъ, что всѣ сіи владѣнія почти въ ничто

обратило, уничтожа десятичной сборъ, помѣщичьи права и тому подобное. Одна таковая привилегія приносила доходу 50000 ливровъ, теперь же не принесетъ и 1000 ливровъ. Въ такомъ-то состояніи хочетъ собраніе продать духовныя имѣнія! — О! повѣрьте, что они никакъ не будутъ достаточны къ тому, чтобы наградить недостатокъ, (которой не смотря, на всѣ Реформы (*) ужаснѣйшимъ образомъ возрастаетъ,) и чтобы духовнымъ, изъ коихъ теперь большая часть обременяетъ Государство, хотя этого и не было прежде, (я говорю о Францисканскихъ монахахъ,) доставлять опредѣленную пищу и содержаніе. Другое весьма великое общество людей, которые въ трое больше стоятъ, составляютъ Конгруисты, получаю-

(*) Какъ-то убавка жалованья и пр. Смотри Анекдоты Графа Мирабо стр. 120 и 121 и т. д.

щіе ежегодно на содержаніе свое великую сумму, и наконецъ третій не меньше многочисленный родъ людей, которые когда еще жили въ обществѣ (и между прочимъ весьма хорошо,) то не болѣе получали какъ теперь каждой изъ нихъ порознь, суть монахи; теперь послушайте.

Я увѣренъ, что естьли сіи имѣнія проданы будутъ въ нынѣшнемъ ихъ состояніи, то за нихъ дадутъ весьма мало. Послѣ теперешней законодательной власти будетъ другая. Она не болѣе окажетъ уваженія къ законамъ, которые за нѣсколько дней предъ симъ изданы (къ законамъ начертаннымъ, какъ всякой знаетъ, ненавистію и раздорами, коихъ столь ясные знаки изображаются на лицахъ нынѣшнихъ нашихъ законодателей,) какъ и депутаты наши оказали къ тѣмъ законамъ, которые уже около четырнадцати вѣковъ существуютъ, и ко-

торые разумнѣйшими правителями, величайшими и добродѣтельнѣйшими мужами сдѣланы, и приведены въ совершенство, и въ коихъ вездѣ сїяетъ любовь къ добродѣтели. Сверхъ же сего, новая законодательная власть должна будучи также что нибудь дѣлать, захочетъ привести уложенїе въ лучшее состоянїе (ибо людямъ не дано такого дарованїя, чтобы съ перьваго разу производить что нибудь совершенное, а особливо можно сказать это о нынѣшнемъ Нацїональномъ собранїи.) Сїе законодательство усмотритъ несправедливость, оказанную помѣщикамъ отнятїемъ у нихъ всѣхъ земель. Оно возвратитъ имъ всѣ прежнїя права; духовенства не будетъ уже болѣе, ибо вамъ сего весьма хочется. Но справедливо ли это будетъ, естьли приватной человѣкъ, купившїй имѣнїе за сорокъ тысячь Ливровъ, чрезъ полгода получитъ столько же

доходу, сколько онъ заплатилъ денегъ? Законъ распространяется на всѣ помѣстья. Гдѣ же польза, которую Государство хочетъ получить отъ продажи сихъ именій?

Вы сами знаете, что въ данныхъ отъ васъ предписаніяхъ ясно имъ запрещено было налагать руку на собственность: но они сдѣлали сіе жесточайшимъ образомъ. А изъ сего и слѣдуетъ, что все то, что они установили, противно законамъ: ибо учрежденные власти никогда не должны преступить ихъ полномочія. Сей законъ столько же древенъ какъ свѣтъ, и люди никакъ не могутъ его уничтожить. Естьли же вы тайно съ ними согласились, то за сіе по справедливости будете наказаны. И буде послѣ всего этого вы еще что нибудь купите, то будете совершенные глупцы. Ибо что до меня касается, то увѣряю васъ, что хотя бы я владѣлъ всемъ Перувіан-

скимъ золотомъ, то и тогда не далъ бы за все то ни одного талера.

Я не понимаю, какъ можно хотя одну минуту думать, будто Національное собраніе сдѣлало что нибудь постоянное. Воздыхать должно о бѣдности, въ которую оно насъ ввергаетъ. Видно, что сему надлежало быть въ природѣ, и мы заслужили это глупостію своею, съ которою по сіе время все это терпимъ. Однако же мы не должны думать, что бы остался хотя малѣйшій слѣдъ того, что теперь собраніе дѣлаетъ. По крайней мѣрѣ я невѣрю ни единому слову. Теперь нація дремлетъ, но когда она пробудится; то возвратитъ опять всѣ права свои.

Наконецъ собраніе выдало на четыреста миліоновъ ассигнацій. Но не простѣе ли было оцѣнить ему на мѣстѣ вещи, которыя продать оно намѣревалось. Это бы было такъ хо-

рошо, что объ успѣхѣ не льзя бы было сомнѣваться; покупщиковъ нашлося бы гораздо больше, и они дали бы либо чистыя деньги, либо такія вещи, которыя бы всякой съ охотою принялъ. Но они выпустили цѣлую кипу ассигнацій! Надѣлали ихъ на четыреста миліоновъ, которые (per parenthesin) уже и разошлися. Но нація столь глупа, что не можетъ и теперь догадаться, что это только новой радъ займа! ---- Совсѣмъ новой: ибо онъ не имѣетъ никакого закладу; а извѣстно, что богатство, которымъ мы не владѣемъ дѣйствительно, не иначе можетъ почестъся, какъ химерическимъ закладомъ.

Тѣмъ, которые получили во владѣніе имѣніе духовенства, можно бы очень позволить давать намъ такія ассигнаціи, которыя бы имѣли по себѣ залогомъ не только церковное имущество ими купленное, но также и ихъ собственное въ такомъ случаѣ,

естьли бы собранїе отмѣнено, и его опредѣленїя уничтожены были. Тогда бы въ первой разъ было у насъ дѣйствительныхъ четыреста милїоновъ, которые всѣми Государственными заимодавцами могли бы быть принимаемы съ совершенною безопасностїю. Не доказывается ли симъ коварство и плутовство ихъ, достигшее высочайшей степени? — Однако же они безпрестанно вооружаютъ народъ противъ старыхъ злоупотребленїй! народъ, которой столь безсмысленъ, что и настоящаго ничего не видитъ.

Что касается до десятичнаго сбора, то я уже ясно вамъ доказалъ, что уничтоженїемъ онаго сдѣлана вамъ величайшая несправедливость. Теперь же намѣренъ я показать, что уничтоженїе духовенства не только вредно для народа, но и для цѣлаго Государства

Наибольшая часть Епископовъ и духовнаго причету жили однимъ толь-

ко десятичнымъ сборомъ. Сїи доходы были существенная принадлежность духовенства. Они правда не почитались за недвижимое имѣнїе, однако же были непремѣнные доходы. Уничтоженїе оныхъ есть важнѣйшїй предметъ въ разсужденїи продажи, отъ которой ожидали столь хорошихъ слѣдствїй. Не лучше ли бы было, естьли бы поручили они знатнѣйшихъ мѣстъ гражданамъ отдать сей десятичной сборъ въ откупъ тѣмъ, которые бы по оцѣнкѣ дали самую большую цѣну; естьли бы приложили старанїе, чтобъ при сей продажѣ не произошло какого нибудь обмана, и естьли бы наконецъ изъ сихъ доходовъ выдавали жалованье обѣщанное духовному причту. — Мнѣ кажется, это бы было самымъ простымъ средствомъ постоянно обезопасить производженїе жалованья всѣмъ честнымъ людямъ. Но теперь, поелику въ разсужденїи этого весьма мало употреблено вниманїя: то я сомнѣва-

юсь, чтобы жалованье когда нибудь выдаваемо было, — даже и въ первые шесть мѣсяцовъ. Вотъ слѣдствіе, ко.го единственною причиною суть тѣ глупые Пасторы, которые оставили свою сторону! Они должны быть весьма безумны, когда не очувствовались и теперь, видя, съ какимъ пренебреженіемъ обманываютъ третье состояніе.

Вотъ то собраніе, которое вы обогащаете, которое защищаете съ невѣроятнымъ жаромъ, и о которомъ думаете, будто оно неусыпно печется о вашей пользѣ — Думаете потому только, что оно само сказало вамъ это, и поелику оно ежедневно увѣряетъ васъ съ восторгомъ, что всѣ его опредѣленія имѣютъ цѣлію благосостояніе ваше! Но естьли вамъ въ самомъ дѣлѣ хотя малая отъ нихъ польза? — Я уже обѣщался показать вамъ откровенно, что они прямо ко вреду вашему изданы, и для того

хочу теперь сдержать мое слово. Позвольте разсмотрѣть то опредѣленіе, которое теперь привлекаетъ на себя вниманіе наше, и которое руководствуетъ васъ къ столь же ужаснымъ распутствамъ, сколь велико ваше опасеніе, чтобы исполненію онаго не стали препятствовать.

Вы думаете можетъ быть, что собственная моя польза заставляетъ меня защищать сіе состояніе? Но вы ошибаетесь. Я не изъ онаго, и не имѣю ни сродниковъ, ни друзей, которые бы были его членами. Я знаю, что нѣкоторые изъ нихъ дѣлали ужасныя несправедливости: однако же желалъ бы только того, чтобы они по прежнему приведены были въ предѣлы своей должности, и чтобы по уничтоженіи всѣхъ злоупотребленій доведено было сіе состояніе до того, чтобы могло оказывать націи всѣ тѣ услуги, какихъ она по справедливости должна ожидать отъ него.

Когда вамъ сказано было, что духовенство надлежитъ уничтожить, то дано было разумѣть, что однихъ

только Аристократовъ опасалися, которые будто всѣхъ васъ поглотить хотѣли. Вы думали, что сіи Аристократы, вѣчные непріятели третьяго состоянія, были изъ дворянства. Вы явно причислили себя къ третьму состоянію. Противъ сего никто и не споритъ: но послушайте меня.

Что составляетъ духовное состояніе въ какомъ нибудь великомъ Государствѣ? Не правда ли, что, есть-ли вообще взять, то все то, что посвящено служенію церкви? А изъ сего (неоспоримаго) положенія и слѣдуетъ, что всѣ громовыя стрѣлы противъ васъ самихъ направлены. Вотъ тому доказательство. —

Не правда ли, что противъ ста духовныхъ особъ можно положить девяносто девять человѣкъ изъ третьяго состоянія? Всѣ Пасторы, викаріи, монахи, большая часть канониковъ и множество монаховъ, происходятъ изъ третьяго состоянія,

да и первые Апостолы нашихъ церквей были сего же состоянія.

Вы всѣ имѣете дѣтей, братьевъ, сестръ и близкихъ или дальнихъ родственниковъ, которые были духовнаго званія. Но вы скажете, что высокое духовенство все почти изъ дворянства и даже большая часть изъ придворныхъ — Такъ, это правда; но не уже ли вы хотите, чтобы всѣ до единаго были бы изъ вашего состоянія? Это бы было не соотвѣтственно — довольно и того, что я противъ ста полагаю девяносто девять, сверхъ же того и сіе правило не безъ выключенія. Многіе весьма богатые Аббаты и даже Епископы произошли изъ третьяго состоянія. Впрочемъ ни мало не защищая злоупотребленій, а напротивъ того проклиная оныя совершенно, думаю я, что не надлежало бы ничего совершенно уничтожать и передѣлывать. Въ другое время разбе-

ру я подробнѣе сїю матерїю. Теперь же не намѣренъ я отступать отъ предположенной мною цѣли, то есть, показать, что вы всегда были утѣсняемы и утѣсняемы отъ тѣхъ самыхъ, которыхъ почитаете вы своими друзьями.

Духовенство дѣлало чрезвычайныя издержки, и присоединяло долги къ долгамъ не оплачивая капиталу.—— Такъ! это правда, и изъ всего сего видно, сколь безпорядочно было правительство. Но бѣдные люди! разсмотрите, не къ щастїю ли вашему все сїе служило.

Не льзя спорить, что нѣкоторые Епископы были весьма добродѣтельны. Многїе дѣлали добро единствено изъ удовольствїя отъ того происходящаго и изъ любви къ Богу; а многїе потому только, что къ тому принуждены были. Распутные, (ибо къ стыду священнаго сана были между ими и такїе. ——)

Вы видите, что я не ищу льстить вамъ. Я честенъ, всѣ мои желанія посвящены вамъ; какъ бы мнѣ хотѣлось видѣть васъ щастливыми, видѣть васъ прямыми людьми. Вотъ единственное мое желаніе! Распутные, говорю я, дѣлали щастливыми тысячу другихъ людей не изъ любви къ Богу, я знаю это довольно, но изъ прихоти: однако же ихъ богатство переходило въ обращеніе къ народу. Безчисленное множество ремесленниковъ работали для нихъ и получали хорошую плату. Великолѣпныя палаты, многочисленная толпа прислужниковъ, и великіе издержки въ домѣ, (гдѣ все бы долженствовало возвѣщать тихое уединеніе священнаго мужа, простирающаго взоръ свой къ небесамъ, а руку къ угнѣтенному человѣчеству: но гдѣ напротивъ того все обнаруживало неприличную и весьма смѣшную пышность,) суть такія вещи, которыя наносили имъ стыдъ, но которыя были для васъ неизчерпаемыми ис-

точниками. Однако же все это надлежало только исправить, и когда отнятЪ былЪ у васЪ сей источникЪ пропитанія, то должно было вамЪ представить, что Святая Религія, которую вы признаете, весьма жестоко оскорбляема была тѣмЪ, что должна была сносить такія безпутства; а не такЪ, какЪ они, желая поселить вЪ сердца ваши ненависть кЪ духовенству, сказали: будто сіи глупые расходы дѣланы были на щетЪ самыхЪ крайнихЪ вашихЪ нуждЪ, и сказали вЪ то самое время, когда вы видите и чувствуете, что пропитаніе ваше отЪ одной только сей расточительности и бытіе свое имѣло. Повѣрьте мнѣ, что тотЪ, кто ничего болѣе, кромѣ двухЪ рукЪ для прокормленія себя не имѣетЪ, всегда смѣется роскоши богатыхЪ. Вы видите теперь, что тѣ, которые называли себя вѣрнѣйшими вашими друзьями, ничего болѣе не хотѣли, какЪ только вонзить вамЪ ножЪ вЪ серд-

це. Откройте же глаза свои нещастные Французы! —— Хотя на минуту откройте: ибо вскорѣ не будетъ уже вамъ времени; и вы погибнете, когда отчаянїе овладѣетъ вашими душами.

Вамъ не неизвѣстно, что духовенство день отъ дня доставляло пропитанїе невѣроятному множеству бѣдныхъ; что большая часть, округъ въ Государствѣ, отлично обязаны ему существованїемъ, и что множество откупщиковъ продолжали откупъ потомственно около двухъ или трехъ сотъ лѣтъ. Они признавали его почти за собственность, но сего не можетъ быть у приватныхъ людей. Вамъ слѣдовательно надлежитъ стараться, чтобы сїи имѣнїя не были проданы: ибо отъ сего не болѣе получить вы можете, какъ только самую кратко-временную помощь, а особливо въ теперешнее время, когда вамъ должно управляться

съ ужаснѣйшими расходами. —— Въ противномъ же случаѣ вы лишите себя вѣчныхъ источниковъ помощи! ——

Народу представлено было; будто онъ ужаснѣйше утѣсненъ множествомъ сихъ привилегированныхъ (*) особъ Я и самъ во многихъ случаяхъ сильно противъ нихъ спорилъ. Верьховная власть никого не изключаетъ, и всякой имѣетъ равное право на ея благодѣянія. И такъ всѣ нераздѣльныя (individua,) изъ коихъ Государство состоитъ, безъ всякаго различія долженствуютъ единодушно способствовать къ подкрѣпленію сея власти. Вотъ всегдашнія мои правила! Всѣ отказывались отъ своихъ вольностей; но посмотримъ, не осталось ли еще такихъ, которые бы имѣли привилегіи?...

Ж

(*) По видимому Авторъ подъ именемъ привилегированныхъ особъ разумѣетъ тѣхъ, которые не платятъ подушнаго

Я знаю, что Принцы, вельможи и самые Парламенты присвоивали себѣ такія преимущества, которые тягостны были для народа!— Это дурно; но мнѣ кажется я ни мало не ошибусь, естьли число таковыхъ во всемъ Государствѣ положу около двадцати тысячь. Посмотримъ же не болѣе ли сихъ привилегированныхъ будемъ мы имѣть въ теперешнее время? Это будетъ несноснѣе Лернейской Гидры, имѣвшей седьмь головъ, которые будучи отрублены тотчасъ опять выростали и по прежнему въ числѣ седьми оставались. Слѣдствіе покажетъ, что у васъ будетъ привилегированныхъ болѣе, нежели по тысячи на одного изъ тѣхъ, которыхъ вы прежде имѣли, и сіе легко доказать.

По нынѣшнему расположенію учреждено теперь у насъ сорокъ четыре тысячи судей, которыхъ судя по опыту над-лежитъ болѣе почесть тиранами. Сверьхъ того есть до-

вольно мѣстъ, гдѣ приказныхъ служителей превеликое множество находится, такъ что естьли положить для каждаго суда только по десяти щитая въ томъ же числѣ и судью, да еще причислить къ сему и тѣхъ служителей правосудія, которые не какъ судьи, но какъ шуты показываются, и либо поютъ на перекресткахъ, либо увеселяютъ народъ другими какими нибудь дурачествами: то никто не скажетъ, что я число оныхъ слишкомъ увеличилъ. Кратко сказать число привилегированныхъ будетъ простираться до четырехъ сотъ сорока тысячь, которые тѣмъ опаснѣе, что вся государственная власть находится въ ихъ рукахъ. Теперь позвольте спросить, выигралиль мы что нибудь отъ средствъ, принятыхъ для истребленія прежнихъ злоупотребленій? Положимъ, что ихъ не будетъ уже болѣе, но не больше ли должно ужасаться тѣхъ злоупотребленій, ко-

торые вступили на ихъ мѣсто. О! бѣдной народъ, какъ ты слабъ!

Наибольшимъ доказательствомъ, какое можно привесть о дьявольскихъ намѣренїяхъ Нацїональнаго собранїя, могутъ служить ненавистныя мѣры, принятыя имъ для достиженїя цѣли его предпрїятїй. Не правда ли, что, естьлибы оно имѣло единственнымъ предметомъ только щастїе наше: то учрежденїя его были бы столь привлекательны, что мы принуждены бы были встрѣчать оныя съ распростертыми руками? Такъ-то сильно врождено человѣку желать себѣ щастїя! Однако же собранїе показываетъ намъ его съ огнемъ и мечемъ въ рукахъ. Какая же бы была тому причина? Умерщвляютъ ли людей, естьли хотятъ показать, что ихъ любятъ? Такїя правила были бы столь же новы, какъ и непонятны, и судя по сему я надежнѣе могу сказать, что

оно хочетъ омыться въ нашей крови, и что развѣ всеобщїй пожаръ освѣтитъ всѣ его мерзости.

Между тѣмъ видно, что сїе собранїе начинаетъ уже само себя бояться. Такъ-то мало полагается оно на своихъ тѣлохранителей или лучше сказать разбойниковъ, которые имъ избраны для защиты, и которые не только въ залѣ собранїя, но даже и во всѣхъ покояхъ находятся въ готовности исполнять его повелѣнїя. Нацїональное собранїе даетъ имъ весьма хорошую плату; но они теперь не столь уже злобны, либо потому, что весьма трудно превзойти въ этомъ сїе скопище извергов, либо потому, что видятъ, какъ ихъ обманываютъ, либо наконецъ потому, что народъ не можетъ быть долго злобнымъ. Собранїе посылаетъ подкупленныхъ шпїоновъ во всѣ гарнизоны для обманыванїя солдатъ; многїе уже обмануты; но понеже честь

вЪ сердцахЪ истинныхЪ солдатЪ не совсѣмЪ еще истребилась: то большая часть изЪ нихЪ остались вѣрными. Собраніе приняло новыя средства. Оно начало посылать коварныхЪ злодѣевЪ для возбужденія несогласія вЪ разныхЪ полкахЪ до такой степени, чтобЪ они одинЪ сЪ другимЪ передрались, и чтобы со временемЪ помощію междоусобной войны совсѣмЪ истребить армію, которой собраніе до тѣхЪ порЪ будетЪ страшиться, пока останется хотя тѣнь ея. Но я надѣюсь, что солдаты откроютЪ глаза и усмотрятЪ, что они ничего не будутЪ значить до тѣхЪ порЪ, пока Король пребудетЪ вЪ такомЪ униженіи, и что они все вЪ состояніи будутЪ сдѣлать, когда возведутЪ его опять на тронЪ. Многіе уже чувствуютЪ это, и я за шесть недѣль предЪ симЪ видѣлЪ уже такой примѣрЪ вЪ Аміенѣ.

НаціональноЕ собраніе послало своихЪ шпіоновЪ, чтобы подкупить

тамошній гарнизонЪ, состоявшій изЪ пѣхотнаго Контїева полку, изЪ сильнаго гусарскаго корпуса фонЪ Беррїева полку и другаго драгунскаго корпуса Бурбонскаго полку. Гарнизонъ не допустилЪ себя обмануть, и такЪ принято другое средство.

Сїе человѣколюбивое собранїе разсудило, что полкЪ, котораго не могло искусить золото, всеконечно не оставитЪ безЪ наказанїя, естьли на его щетЪ будутЪ распускать какїе нибудь ложные слухи. — Это сдѣлано и разнесены всякїя выдуманные вздоры. Упомянутые шпїоны, которые изЪ казармы вЪ казарму переходили, распустили во всѣхЪ полкахЪ одинЪ противЪ другаго оскорбительные слухи, чего вЪ самомЪ дѣлѣ никогда говорено не было. Чувствительные солдаты почли себя оскорбленными, и первое движенїе гнѣва ихЪ состояло вЪ томЪ, чтобы за себя от-

мстить не изслѣдывая, справедливо ли имъ сказанное.

Конница поссорилась съ пѣхотою; произошла драка; многїе были ранены, а нѣкоторые и до смерти убиты; почему не безъ опасности было, что сїе зло и вездѣ разпространится. Полковникъ фонъ Беррїева полку получаетъ о семъ извѣстїе; онъ спѣшитъ туда, дабы возстановить порядокъ. Но гарнизонъ узнавши о семъ благородномъ намѣренїи, открываетъ глаза свои. Одинъ изъ красноречивѣйшихъ возвышаетъ свой голосъ и говоритъ: Товарищи! мы всѣ бравые ,, люди, всѣ служимъ нашему Коро- ,, лю и всѣ одного званїя, но убиваемъ ,, другъ друга! — Знаемъ ли мы ,, предметъ нашей ссоры, и имѣемъ ли ,, довольныя къ тому причины? Го- ,, ворятъ, будто конница худо гово- ,, рила о пѣхотѣ, а пѣхота о конницѣ. ,, Но гдѣ тому доказательства? — ,, Напротивъ же того, не знаемъ ли

„ мы, что наше Государство находится въ огнѣ съ тѣхъ самыхъ „ поръ, какъ завелось здѣсь собранїе, „ которое называетъ себя *національнымъ*? Можетъ ли отъ насъ сокрыто быть, что король находится въ „ узахъ? Не натуральнѣе ли думать, „ что сїе собранїе старается насъ самихъ истребить: ибо оно находится въ безпрестанномъ страхѣ, что „ мы когда нибудь пробудимся, освободимъ Короля изъ его оковъ, и накажемъ собранїе за всѣ бѣдствїя „ причиненныя намъ отъ него? Сдѣлаемся друзьями, товарищи! Не лишимъ Государство такихъ солдатъ, „ какъ мы; отмщенїе наше должно „ дѣйствовать только противъ королевскихъ непрїятелей. Вотъ должность защитниковъ отечества! „ Мы слышали, что господинъ полковникъ фонъ Берри ѣдетъ. Онъ великодушенъ; но покажемъ, что и „ мы также великодушны. Сдѣлаемте то, чтобы по прїѣздѣ нашелъ

„ онъ все оконченнымъ, и чтобы ему
„ ничего болѣе не оставалось, какъ
„ только приписать намъ похвалу!--„

Сїя рѣчь заключена была радостнымъ крикомъ и сопровождаема восклицанїемъ: *да здравствуетъ Король!* Цѣлой гарнизонъ обнялъ себя взаимно. Послѣ чего положено было съ общаго согласїя, чтобы конница встрѣтила полковника на лошадяхъ, пѣхота же и драгуны чтобы шли напереди со всею музыкою и литаврами Контїева полку, но не въ строѣ и безъ оружїя. Съ сею по истиннѣ трогательною свитою видилъ я полковника, прибывшаго въ его квартиру, что было въ постояломъ домѣ, гдѣ и я остановился.

Послѣ сего полковникъ Жень по окончанїи благородной и трогательной рѣчи, которую онъ говорилъ къ корпусу своего полку, объѣхалъ всѣхъ солдатъ и драгунъ, которые вмѣстѣ смѣшались, и салютовалъ ихъ саблею,

дабы показать чрезЪ то любовь свою кЪ нимЪ и великое удовольствїе: они же отвѣчали на сїе восклицанїемЪ и радостнымЪ крикомЪ: *да здравствуетъ Король! да здравствуетъ полковникъ!*

ГосподинЪ Жень отославши солдатЪ вЪ квартеры, сошелЪ сЪ лошади и вошелЪ вЪ средину ихЪ, дабы дать новое доказательство, сколь прїятна ему была такая встрѣча. Торжество началось снова и продолжалось весьма долго. Это было трогательнѣйшее явленїе. Конница также сошедши сЪ лошадей, присоединилась кЪ прочимЪ.

НаконецЪ полковникЪ хотѣлЪ дать музыкантамЪ нѣсколько луидоровЪ: но полковой литаврщикЪ отЪ имени всѣхЪ отвѣчалЪ ему такимЪ образомЪ: ГосподинЪ полковникЪ! то, „что мы теперь сдѣлали, произошло „единственно отЪ внутренняго побужденїя. Сердца наши повелѣли „спѣшить вамЪ на встрѣчу, дабы

,, засвидѣтельствовать нашу признательность и удовольствіе въ разсужденіи участія принятаго вами въ нашихъ несогласіяхъ. Они окончаны. Мы ни о чемъ болѣе не думаемъ, какъ только о нашей должности. Жалѣемъ, что не извѣстны намъ начиньщики сихъ безпокойствій, естьли же бы ихъ знали, то бы не оставили безъ наказанія. Мы имѣемъ солдатскія сердца: слѣдовательно это было бы для всѣхъ насъ униженіемъ, естьли бы мы приняли деньги. Позвольте намъ отказаться отъ вашего подарка. А когда хотите вы наградить нашу ревность, то увѣрьте лучше добродѣтельнаго нашего Короля, что всѣ солдаты Амїенскаго гарнизона вѣрны ему и вѣчно будутъ вѣрными. ,, Полковникъ столько тронутъ былъ этимъ, что не могъ отъ слезъ воздержаться, и принужденъ былъ взять назадъ свои деньги. Я видѣлъ сїе произшествїе, и при-

знаюсь, что также не могъ смотрѣть съ равнодушіемъ.

О! храбрые и благоразумные воины! Славные остатки страшнѣйшей арміи, которая столь часто пріобрѣтала безсмертную славу, возьмите себѣ въ примѣръ гарнизонъ Аміенской! Васъ ужаснѣйше обманули; но откройте глаза и посмотрите, что съ вами сдѣлали безстыдные ваши обманщики. Они сказали, что васъ хотятъ ополчить противъ вашихъ же согражданъ, когда напротивъ того вы вооружены для ихъ защиты. Познайте свою ошибку. Выслушайте друга, которой жилъ съ вами, которой никакого интересу не ищетъ, кромѣ вашей чести и благополучія, и которой посреди васъ проливалъ кровь за то же отечество, за которое и вы почитаете себя сражающимися, но которое въ самомъ дѣлѣ позволяете вы со всѣхъ сторонъ растерзывать. Послушайте друга,

любящаго васъ всемъ сердцемъ, — Друга, которой ничего не предпринимаетъ, чтобы не основывалось на обязанностяхъ его къ отечеству. Онъ желаетъ служить оному: то откажетесь ли вы отъ сего?

Не правда ли, что регулярные войска имѣютъ предметомъ въ военное время наносить ужасъ непрїятелямъ отечества; а въ мирное соблюдать порядокъ и общественную тишину? — Но требовалиль отъ васъ кромѣ сего еще чего нибудь?

Шайка обогащенныхъ разбойниковъ, то есть *Нацiональное собранiе съ его послѣдователями и господиномъ Неккеромъ приняло* на жалованье толпу бѣдныхъ разбойниковъ для содѣланїя всѣхъ возможныхъ распутствъ — и вы спокойно на это смотрите? — Снесли ли бы вы это, естьлибы не уговорили васъ, что будете проливать кровь только такихъ сограждан, ко-

торые вамъ станутъ противиться? Знаете ли вы намѣренія сихъ обманьщиковъ? Они, смотря на вашу недѣятельность, хотѣли произвести ужаснѣйшія преступленія и желали, чтобы ихъ мерзости остались безъ наказанія.

О солдаты! Вы видите отечество свое въ опасности быть растерзаннымъ отъ злобныхъ тигровъ, которыхъ оно питаетъ! Вы видите Короля, (лучшаго Государя въ свѣтѣ,) вашего сверженнаго съ престола, заключеннаго и обремененнаго оковами: но гнѣвъ вашъ не обнаруживается. Онъ стенаетъ, оплакиваетъ свою и вашу судьбину, и его вздохи даже до васъ проникаютъ: но вы проводите дни въ праздности! — Вы выдумываете празднества и предаетеся увеселеніямъ, въ то самое время, когда сей нещастной Государь окруженъ убійцами! Въ то самое время, когда онъ съ часу на часъ ожидаетъ смерти, но вы

по прежнему всѣ безчувственны! Куда же дѣвалась приверженность Французскихъ солдатъ къ Королю? — Приверженность, которая дѣлала васъ непобѣдимыми! — Ахъ! Солдаты! естьли вы еще будете закоснѣвать въ своей слѣпотѣ: то навлечете на себя презрѣнїе не только отъ вашего отечества, но и отъ всего свѣта, и содѣлаетесь нещастнѣйшими людьми!

Какъ это! Собранїе, которое вамъ столько льстило, признаетъ васъ за ничто! или покрайней мѣрѣ, понеже вы что нибудь еще значите, дерзаетъ сказать, что вы не что иное, какъ разбойники, какъ толпа презрѣнныхъ тварей! — Оно дѣйствительно это сказало. Цѣлой свѣтъ тому свидѣтель, и всѣ ваши друзья писали объ этомъ. Вы навели на себя столь поносное мнѣнїе, и спите? Подумайте! Дѣла и сочиненїя будутъ преданы потомству. Естьли вы не отмстите за свою оби-

ду, то сами оправдаете Національное собраніе и признаетесь, что мнѣніе его о васъ было справедливо. — У меня выпадаетъ перо изъ рукъ.

Вы видѣли собственными глазами или чрезъ вашихъ депутатовъ при заключеніи союза Іюля 14 дня великолѣпнѣйшее торжество, (говорите вы,) какое только когда либо было — торжество, къ коему приглашены были всѣ народы, или по крайней мѣрѣ въ лицѣ ихъ присутствовали посланники. Но что же? — Они всѣ были свидѣтелями, что первѣйшіе въ свѣтѣ военачальники ваши не имѣли никакого отличія, когда напротивъ того при Королѣ занимали они перьвѣйшія достоинства въ Государствѣ.

Вы будете имѣть свое достойнство, говорятъ вамъ, *когда побѣдите непріятелей отечества*! Какъ! не ужели вольность ихъ въ томъ только будетъ

состоять, что вы принуждены будете лишаться и рукЪ и ногЪ вЪ защищенїи Государства, которое не хочетЪ васЪ и на минуту признать дѣйствительными своими гражданами? — Не уже ли вы и то себѣ за счастїе почтете, что возвратясь со славою и покрытые благородными ранами, удостоитесь пройти между гражданами, которые пользуясь всѣми выгодами домашней жизни, будутЪ только получать извѣстїя о вашихЪ побѣдахЪ, и сидя спокойно на печи удѣлятЪ можетЪ быть минуту на разсказыванїе вашихЪ дѣлЪ (которые они столь же скоро и опять забудутЪ?) Не уже ли, говорю я, будете вы довольны этимЪ? — Боже милостивый! можно ли вЪ сихЪ чертахЪ признать солдатЪ французскихЪ?

Солдаты! мы спимЪ уже долго, но проснемся Да возвысится теперь духЪ нашЪ благородною бодростїю. ПокажемЪ, что мы значимЪ? Содѣ-

лаемъ славное дѣло, возстановя въ прежнее состоянiе Монархiю, коея одни только развалины видны. Сдѣлаемъ счастливымъ отечество наше, которое утопаетъ въ бѣдствiяхъ и требуетъ себѣ вспоможенiя. Подадимъ ему руку помощи и возстановимъ его въ прежнее сiянiе; а въ томъ не сомнѣвайтеся, что это не трудно.

Признаемъ гражданскихъ солдатъ за нашихъ братьевъ. Они честные люди. Несчастiя угнѣтающiя насъ непрiятны и имъ также. Они обмануты, но и мы не меньше ихъ сему подверглись Пригласимъ ихъ соединиться съ нами, дабы единодушно возвесть опять Короля на тронъ. Порядокъ и миръ должны быть нашею цѣлiю Мы скоро преодолѣемъ разбойниковъ и они истребятся; а кровь Французовъ сохранена будетъ.

Естьли нравится вамъ сiе благородное предложенiе: то дайте мнѣ

знать объ этомъ и вотъ какимъ образомъ: пусть соберется цѣлой гарнизонъ (хотя бы онъ состоялъ изъ трехъ полковъ) въ одно мѣсто. Онъ долженъ единодушно обѣщаться, что будетъ совершенно послѣдовать намѣренiямъ, какiя имѣетъ издатель сего сочиненiя. Гарнизонъ долженъ пригласить къ себѣ сочинителя съ тѣмъ, чтобы онъ былъ предводителемъ въ семъ дѣлѣ. Пусть внесется сiе объявленiе въ Парижскiя Нѣмецкiя вѣдомости, выходящiя подъ названiемъ *Королевскаго други*, и во всѣ журналы, издаваемые честными людьми. Я открою вамъ всѣ мои тайности, (теперь же не могу до времени обнаружить ихъ публично,) и отвѣчаю моею головою, естьли вы не увидите вскорѣ Францiи во всей прежней ея силѣ, и естьли не будутъ уничтожены всѣ злоупотребленiя безъ малѣйшаго кровопролитiя гражданъ, выключая развѣ злодѣевъ, которые однако же бѣгствомъ

своимъ избавятъ насъ отъ труда сего.

Теперь къ вамъ, государи мои! къ вамъ гражданскїе солдаты обращаю я рѣчь мою. Нѣтъ ни единаго города, нѣтъ ни единаго уѣзда во Францїи, для котораго бы Революцїя была столь вредна, какъ для васъ. Естьли бы цѣлое Государство желало Революцїи, то вамъ и тогда бы надлежало всѣми силами удаляться отъ оной; но вы напротивъ того одни только и подкрѣпляете оную съ такимъ упорствомъ, которое весьма походитъ на несмысленность. Правда, я знаю, что не вы начинщиками были, но вы вмѣшались въ такїя дѣла, какїя только могутъ произведены быть измѣнниками и вѣроломцами.

Мнѣ довольно извѣстно, что Парижцы вообще добрые люди: но не знаю, чему приписывать должно, что чернь Парижская даже до сего

времени легче всѣхъ даетъ обольщать себя. Послѣдуйте за мною; вы увидите, добра ли я вамъ желаю, или хочу разставить для васъ новыя сѣти? Я надѣюсь доказать весьма ясно, что вы Исполинскими шагами приближаетесь къ конечной погибели; но что напослѣдокъ остановитеся вы на краю пропасти, въ то самое время, когда бы вамъ слѣдовало только ввергнуться въ оную.

Всѣ мои желанія посвящены вамъ, всѣ мои желанія клонятся къ тому, чтобы видѣть васъ щастливыми, и чтобы вы опять пріобрѣли уваженіе отъ иностранныхъ народовъ, (столь много споспѣшествовавшихъ вашему благополучію,) которое они къ однимъ только вамъ имѣли, но коего почитаютъ теперь васъ недостойными.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что заслуживаетъ похвалу причина побудившая васъ приняться за ору-

жїе 1789 года Іюля 14 дня, отъ котораго вы начинаете свое лѣтоизчисленїе, по причинѣ произшедшей Революцїи, которая однако же въ слѣдствїе вашей слабости произведена разбойниками Маїя 12 дня. Чрезъ сїе допустили вы приписывать себѣ еще новую несправедливость, въ которой вы не брали почти никакого участїя.

Когда вы взялись за оружїе, то весьма еще удалены были отъ того, чтобы содѣлать какое нибудь преступленїе. Вы не имѣли другаго намѣренїя, какъ только предохранить городъ отъ раззоренїя, которымъ онъ угрожаемъ былъ, не смотря на то, что предъ его воротами стояло сорокъ тысячь войска и не болѣе двухъ или трехъ тысячь (безоружныхъ) разбойниковъ въономъ находилось. Это неслыханно и потомство никогда сему не повѣритъ.

Господинъ Неккеръ и безчувственные генеральные штаты (*), заклявшїеся совершенно погубить Государство, сдѣлали точное вычисленїе, чего имъ ожидать отъ васъ надлежало. Они не ошиблись, ибо вы и чаянїе ихъ превзошли, щитая, что трудитесь для спасенїя отечества, когда въ самомъ дѣлѣ съ величайшею ревностїю старались вы совсѣмъ оное опровергнуть. Однако же государи мои! ошибка продолжается токмо до времени, и какъ скоро обманъ кончится, то останутся тѣ только преступниками, которые не смотря и на сїе не раскаются. — Но изъяснимъ подробнѣе наши мысли.

Господинъ Неккеръ, человѣкъ не имѣющїй ни добрыхъ нравовъ, ни религїи, ни основательности, но прини-

(*) Сїе разумѣть должно о членахъ Нацїональнаго собранїя и другихъ главныхъ начальникахъ.

мающїй на себя наружной видъ всѣхъ сихъ качествъ, нашелъ средство сдѣлать безсмертными свои мерзости, когда натура хотѣла его по видимому помѣстить между тѣмъ безчисленнымъ множествомъ существъ, которые имѣютъ бытїе свое отъ одной только чрезвычайной ихъ дѣлимости (*) и всегда пребываютъ въ мрачномъ забвенїи. (Но вы начинаете уже цѣнить его по достоинству) Господинъ Неккеръ, говорю я, величайшїй врагъ Францїи, какого только когда либо она имѣла, обманулъ всѣхъ васъ притворною своею любовїю къ народу. Сдѣлалъ ли онъ что нибудь такое, чтобы показывало намѣренїя мудраго Министра, долженствовавшаго возродить Францїю? — Все его званїе состояло въ томъ, что

(*) Неизвѣстно, чтобы Авторъ разумѣлъ чрезъ это, но кажется, что понимаетъ здѣсь насѣкомыхъ, извѣстныхъ подъ именемъ Полиповъ.

умѣлъ онъ занимать деньги съ весьма великими процентами, отъ чего долги государственные чрезвычайно умножились.

Сдѣлалъ ли онъ что нибудь такое, что показывало бы великую его любовь къ народу? Онъ обманами своими довелъ его до того, что народъ употребилъ всѣ роды жестокостей противъ тѣхъ самыхъ, отъ коихъ зависѣло все его существованїе, такъ, что будучи теперь оставленъ ими, сдѣлался гораздо нещастнѣе, нежели когда либо прежде.

Для чего онъ собралъ генеральныхъ штатовъ столь глупымъ образомъ, какъ мы теперь видимъ? — Для того, чтобы они не могли ничего добраго сдѣлать, и чтобы онъ одинъ только могъ быть неограниченнымъ господиномъ, величайшимъ Деспотою въ Государствѣ; однако же онъ обманулся въ этомъ. Онъ навлекъ на себя всеобщее презрѣнїе,

всеобщую ненависть, и наконецъ принужденъ былъ искать себѣ спасенія въ бѣгствѣ. — Для чего завелъ онъ такое множество чудовищей? — Для того, чтобы они все поглотили.

Теперь ускользнулъ сей покровитель націи! Сей великой возобновитель, сей знаменитѣйшій Французской Питтъ! Сей отецъ народа! Онъ ускользнулъ! . . . и мы видѣли только, какъ онъ прошедшаго года носимъ былъ по всѣмъ улицамъ въ тріумфѣ, (а особливо en Buste,) носимъ былъ сволочью, на любви коея основывалась его гордость, и коея намѣреніямъ умѣлъ онъ угождать столь искусно. Сія народная дрожжа, управлявшая послѣ его бѣгства государственнымъ кормиломъ и имѣющая даже до сего времени столь много важности и перевѣсу, воздвигаетъ ему жертвенники и угрожаетъ повѣсить всякаго на фонарномъ столбѣ, кто воспротивится приносить

ему жертвы. Но какъ все перемѣняется! Сей полубогъ съ самыхъ первыхъ дней его щастія, подобно какъ отецъ, не спускалъ глазъ съ возлюбленныхъ дѣтей своихъ: но кто бы тому повѣрилъ! Сіи дѣти платятъ ему теперь неблагодарностію; они принесли бы его самого въ жертву на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ на воздвигнутомъ ему жертвенникѣ надѣялся быть обожаемымъ — такъ — Они бы безъ сомнѣнія пожертвовали имъ, естьли бы постыдное бѣгство не спасло его заранѣе. Не страшное ли это нравоученіе для народныхъ нашихъ законодателей! Кто изъ смертныхъ осмѣлится утверждать, что сіи законодатели находятся подъ безопасною кровлею, и что оная сохранитъ ихъ отъ подобнаго сему произшествія. О! сколь великой и безпрестанной опасности подвержены порочные корыстолюбцы!

Парижане! Я знаю, что вы имѣли непорочныя намѣренія, когда

взялись за оружїе. Вы не думали — такЪ, вы не думали, что должны будете нѣкогда составлять цѣлой корпусЪ, цѣлую армїю: одни только тѣ, которые вами управляли, знали сїе подробно. Но дабы совершить обманЪ тѣмЪ удачнѣе, то надлежало намЪ вести васЪ тихими шагами; надлежало придать машинѣ тайныя колеса и разпространить возмутительныя сочиненїя.

Для возмущенїя народа розданы были по провинцїямЪ деньги; вЪ КоролевскомЪ дворцѣ произходили чертовскїе заговоры; вЪ ПарижѢ назначены были отборные злодѣи для произведенїя безпрестанныхЪ безпокойствїй, и вЪ НацїональномЪ собранїи разточались цѣлые милїоны денегЪ. Сїе послѣднее тѣмЪ меньшему сомнѣнїю подвержено, что самые распутнѣйшїе члены онаго, утонавшїе по шею вЪ долгахЪ, наслаждаются теперь отмѣнно предЪ другими романи-

ческимъ своимъ щастїемъ. Все, что самымъ хитрѣйшимъ образомъ запутано, есть дѣло рукъ господина Неккера, которой довольно искусно игралъ роль свою, утверждая будто онъ ничѣмъ не пользовался, да и не могъ пользоваться, когда былъ обманутъ и оставленъ тѣми, коихъ самъ собралъ. Вотъ вамъ доказательство провидѣнїя! Вотъ опытъ, какъ оно наказываетъ развратныхъ! Чреда дойдетъ и до Нацїональнаго собранїя. Разбойники безъ сомнѣнїя сами себя истребятъ. — Такими-то средствами хотѣли васъ довести до того состоянїя, въ коемъ теперь находитесь Однакожe вы такъ глупы, что ничего этого не видите.

Господинъ Лафаэттъ хотѣлъ подражать Аргонавтамъ, искавшимъ золотаго руна въ Колхидѣ, и вооружилъ корабль съ тѣмъ, чтобы послать оной въ Америку для подкрѣпленїя тамошнихъ бунтовщиковъ. Онъ ду-

малъ тогда оказать услугу своему начальнику, въ чемъ и состояла вся его политика. Но намѣренiе господина Лафаэтта, естьли бы оно соединено было хотя съ меньшими затрудненiями, нежели какiя встрѣчались Греческому полководцу, то прiобрѣло бы ему титулъ героя, титулъ, которой хотѣлося ему имѣть во Францiи, и которой тѣмъ надежнѣе могъ бы онъ удержать, естьли бы умѣлъ получше употреблять въ пользу свои побѣды. Но къ сожалѣнiю скупость препятствуетъ ему въ этомъ, и показываетъ, что всею своею славою, обязанъ онъ не дарованiямъ своимъ, и не добродѣтели, но единому только щастiю. Вы одни — такъ одни только вы будете имъ одурачены. Онъ употребляетъ васъ для сверженiя Короля съ престола. И вы — такая-то непонятная слѣпота поразила васъ — помогая ему, думаете, что вы сему самому Королю оказываете услугу. Такъ-то

вы имѣвъ доброе сердце, содѣлались порочными преступниками. Скупость господина Лафаэтта безмѣрна, но совершенно неосновательна; ибо у него недостаетъ даже и тѣхъ качествъ, какія всякой скупецъ имѣть долженъ. Въ немъ не видно ни малѣйшихъ признаковъ прямо великаго мужа, не только въ разсужденіи военнаго состоянія, но и въ разсужденіи всѣхъ прочихъ; однако же онъ не заботится объ этомъ. Онъ хочетъ всѣмъ вмѣстѣ быть, будучи увѣренъ, что вы можете его всемъ сдѣлать, и думая, что ему нужно только велѣть вамъ носить эксельбанты, чтобы сдѣлать васъ въ глазахъ своихъ непобѣдимыми героями. Вы не думаете, чтобы я сомнѣвался о его храбрости, но сего еще не довольно. Генералъ не одно это имѣть долженъ. Онъ думаетъ, что вы военному сему украшенію пожертвуете благополучіемъ вашимъ, имуществомъ и спокойствіемъ. — Позвольте мнѣ говорить съ вами сво-

бодно и такъ какъ я думаю. Я не спорю, что ничто не внушаетъ столько почтенія къ военнымъ людямъ, какъ эксельбанты полковнической, Генеральсь - Адьютанской и Офицерской. Но поелику все сіе зависитъ только отъ воображенія, и поелику цѣна вещей измѣряется и опредѣляется по мѣрѣ трудовъ, понесенныхъ въ доставленіи оныхъ: то вещь, въ которой всякой безъ разбору можетъ брать участіе, теряетъ весьма много уваженія, которое одной только ей оказываемо было. Такимъ же точно образомъ и ваши эксельбанты не обнаруживаютъ ни единаго Офицера, которой бы былъ искусенъ въ тактикѣ. Однако хотя васъ въ прочемъ и не льзя почесть прямыми Офицерами, но вы по крайней мѣрѣ добрые граждане. Всякое нещастіе, которое случается съ нами, трогаетъ и васъ равномѣрно. Вы имѣете въ рукахъ своихъ власть; и такъ отъ васъ самихъ зависитъ

пріобрѣсть величайшее уваженіе, и безсмертною славою сдѣлать себя на вѣки незабвенными. Я попробую изъяснить вамъ это получше. Но прежде хотѣлъ бы я изобразить вамъ какъ можно яснѣе, что вы глупенькіе все отдаете и всѣмъ изъ единаго пристрастія жертвуете такимъ людямъ, которые естьли бы могли, то всѣхъ бы васъ принесли въ жертву для успокоенія своея ненависти и корыстолюбія.

Вы видѣли, что Національное собраніе ни однимъ еще учрежденіемъ не доказало, чтобы оно пеклося о благосостояніи народа. Напротивъ того оно гораздо болѣе обнаружило, что главнѣйшимъ его предметомъ есть то, чтобы ввергнуть простой народъ въ ужаснѣйшее отчаяніе. Я намѣренъ привесть здѣсь одно только то учрежденіе, чрезъ которое хотѣлось ему унизить дворянство. Оно касается болѣе до васъ, нежели до прочихъ сортовъ людей: а по то-

му и разсудилось мнѣ, что изъясненіе его будетъ здѣсь помѣщено не въ непристойномъ, но въ надлежащемъ ему мѣстѣ.

Какую выгоду получаетъ народъ отъ того, что нѣтъ теперь ни благородныхъ людей, ни Бароновъ, ни Маркизовъ, ни Герцоговъ, ни Принцовъ? Сдѣлался ли чрезъ то крестьянинъ лучшимъ крестьяниномъ? Пересталъ ли сапожникъ быть сапожникомъ? Никакъ. — Они остались тѣмъ же, чѣмъ были прежде, и достоинство ихъ нимало не возвысилось отъ сея реформы. По крайней мѣрѣ не получили ли вы какой выгоды въ разсужденіи имѣній и богатства? — И того нѣтъ; а напротивъ вы сдѣлались теперь гораздо бѣднѣе. (что я вамъ вскорѣ показать намѣренъ) И такъ ясно открывается, что сдѣлавшіе такое учрежденіе хотѣли только показать народу, съ какою злостію преслѣдуютъ они сіе

состоянїе, потому можетъ быть, что чувствуютъ себя недостойными вступить въ оное. Не могши вознестись выше, рѣшились они все опровергнуть, дабы можно было утвердить имъ вѣчное себѣ владычество. Такой-то духъ паритъ надъ ихъ установленїями! Сенатъ, которой не могъ скрыть своей ненависти и недовѣрчивости, можетъ ли быть къ тому способенъ, чтобы представлять собою цѣлую нацїю и предписывать ей законы? Чего можно ожидать отъ законовъ, которые съ мечемъ въ одной рукѣ и съ факеломъ въ другой преданы намъ ненавистїю.

Они безъ умолку брѣдятъ о Грекахъ и объ Аѳинской республикѣ, столь усердно ими прославляемой. Но либо не понимаютъ они, либо не хотятъ открыть того, что хотя въ Греческихъ республикахъ, въ которыхъ господствовалъ демократическїй

образъ правленія, всѣ граждане были равны въ разсужденіи публичныхъ правъ: однакоже различіе между ими не совсѣмъ уничтожено было, и тѣ, которые произходили отъ знатныхъ родителей, всегда отличались отъ другихъ, такъ какъ сіе можно видѣть изъ Историковъ, которые объ нихъ писали (*). И такъ вы видите что они заимствуютъ отъ другихъ народовъ только то, чего или наружной видъ принять, или соразмѣрно грубымъ своимъ понятіямъ предложить могутъ.

Но какую пользу получили вы отъ сего учрежденія? —— Никакой. — Напротивъ того двадцать тысячь ремесленниковъ, коихъ единственнымъ упражненіемъ было дѣлать ливрейныя кисточки, обшивки и тому

(*) См: Діодора Сицилійскаго книгу XII, стр. 255.

подобные знаки отличїя, доведены теперь до нищенскаго состоянїя, такЪ какЪ и многїе другїе начинаютЪ уже чувствовать печальныя слѣдствїя сихЪ превосходныхЪ учрежденїй. НаконецЪ я васЪ увѣряю, что число нищихЪ такЪ со временемЪ умножится, что не останется уже ни единаго человѣка, которой бы могЪ имЪ подать хотя малѣйшую милостину.

Далѣе можно еще и то сказать, что отЪ сихЪ учрежденїй Нацїональнаго собранїя страждетЪ теперь не только упомянутое столь великое множество ремесленниковЪ, но также и шелковые мастера; ибо ливрейные кисточки естьли не всѣ, то покрайней мѣрѣ большая часть дѣлаемы были изЪ шелку. И такЪ не ясно ли видно, что вы не имѣете ни малѣйшей причины радоваться сему учрежденїю, потому что всѣ вы либо ремесленники, либо торговые люди.

И естьли вы позволяете, чтобы состоянїе, которое наиболѣе заимствовало отъ васъ на свои расходы, было унижено и утѣснено: то коммерцїя ваша близка къ паденїю и столица ваша вскорѣ сдѣлается пустынею.

Не видите ли вы сами, что наибольшаго изобилїя, въ которомъ вы находились съ того самаго времени, какъ художества, дарованїя и моды достигли высочайшей степени совершенства, было причиною пребыванїе Королевское въ вашей столицѣ и стеченїе иностранцевъ, которые изъ всѣхъ странъ съѣжжались въ сей городъ? Но естьли вы не престанете держать Короля въ оковахъ, то кому захочется ѣхать въ Парижъ, чтобы видѣть темницу въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде былъ блистательнѣйшїй дворъ въ Европѣ? Естьли вы лишите дворянство его пышности: то всѣ разночинцы, которые

на щетъ его старались принимать наружной видъ знатности, принуждены будутъ оставить свое хвастовство, которое бы было смѣшно, естьли бы они не имѣли предъ собою примѣровъ; а въ семъ не льзя и сомнѣваться, ибо смѣло можно сказать, что нѣкому будетъ имъ въ томъ предшествовать, а особливо что касается до вкуса.

Когда вы станете преслѣдовать дворянство, то не льзя вамъ будетъ и думать о томъ, чтобы иностранцы стали съѣжжаться въ вашъ городъ. Вы сами знаете, что одни только Князья и Государи, или по крайней мѣрѣ Вельможи дѣлали въ Парижѣ чрезмѣрные расходы, Теперь же узнавши, какъ презрительно поступаютъ здѣсь съ дворянами, будутъ они какъ можно отъ него удаляться, чтобы не подвергнуться и имъ какому нибудь ругательству. Кромѣ же сего столица наша не много въ

себѣ имѣетъ привлекательнаго. Вы знаете, что ни умѣренной климатъ, ни плодоносїе земли не могутъ побудить богатыхъ людей тратить свои деньги въ вашемъ городѣ. И такъ Парижъ будетъ оставленъ отъ всѣхъ, и вы сами принужденными себя увидите переселиться въ другое мѣсто. Первѣйшїй городъ въ свѣтѣ падетъ самъ собою — падетъ и покроется своими развалинами. Послѣ нѣсколькихъ тысячь лѣтъ любопытные путешественники станутъ туда съѣжжаться, чтобы посмотрѣть мѣсто, на которомъ онъ находился; и естьли время пощадитъ нѣкоторые остатки зодчества: то рука художника изобразитъ сїи памятники древности, такъ какъ дѣлаютъ это путешествующїе въ Египетъ, дабы представить людямъ паденїе царствъ земныхъ.

Вы скажете мнѣ можетъ быть: злоупотребленїя были столь велики

и правительство столь развратно, что все стремилось къ той точкѣ, вѣ которой мы теперь находимся.

Французы! Какая неосновательная хула! Злоупотребленія по истиннѣ были несказанно велики — злоупотребленія всякаго роду; они вездѣ было вкрались; но *Парижъ*, — естьли мы хотимъ искренно признаться, — *получалъ отъ всего того пользу*. Найдете ли вы хотя одного человѣка во всемъ Государствѣ, которой бы не желалъ внутренно видѣть всѣ сіи злоупотребленія исправленными. — По истиннѣ ни одного. Всякой желалъ ко всеобщему исправленію Государства присоединить и свое; и это легко бы было сдѣлать. Но напротивъ того нѣтъ ни одного Француза, выключая подкупленной разбойнической сволочи, которой бы теперь доволенъ былъ средствами, употребленными для поправленія Государства. Не только

французы, но и всѣ просвѣщенные народы чувствуютъ отвращеніе къ онымъ.

Я не спорю, что для истребленія сихъ злоупотребленій при самомъ ихъ корени надлежало употребить острой серпъ и трудолюбивыя руки. Для изысканія же оныхъ потребно было твердое мужество и непоползновенное къ обману сердце.

Король, наилучшій Государь, совершенно чувствовалъ нужду въ этомъ. Но чувствовалъ также и то, что одному ему не достанетъ силъ довести до того, чтобы въ семъ важнѣйшемъ предпріятіи ожидать щастливыхъ успѣховъ. Для сего-то самаго собралъ онъ цѣлую націю въ лицѣ ея депутатовъ. Онъ предается имъ совершенно и сообщаетъ свои намѣренія, говоря: „Я полагаюсь во всемъ на васъ. Забудьте „собственные мои выгоды. Я жер-

„ твую оными отечеству, сдѣлайте „ только народъ мой щастливымъ. Вотъ „ единое средство быть мнѣ самому „ благополучнымъ. „ Чегожъ вамъ болѣе, Французы! Сыщете ли вы въ Исторіи лучшій примѣръ великодушнаго пожертвованія. Но за такое никогда неслыханное благодѣяніе свергаете вы Короля вашего съ престола, вводите его плѣннаго въ свой городъ, обременяете его оковами и хотите умертвить въ его объятіяхъ супругу! Вы окружаете его убійцами! Онъ не можетъ дохнуть, чтобъ не видѣть смерти предъ глазами. Онъ уклоняется въ сторону, дабы избѣжать ее, но она вездѣ встрѣчается. Онъ не имѣетъ ни малѣйшаго убѣжища въ своемъ Государствѣ! О Французы! естьли вы не раскаетесь въ семъ преступленіи: то развѣ мрачнѣйшій адъ будетъ для васъ достойнымъ жилищемъ.

Отъ Національнаго собранія зависѣло пріобрѣсти себѣ безсмертную славу, когда бы оно возстановило щастіе народа. Всѣ препятствія были уничтожены; и оно могло дѣйствовать свободно. Однако же вмѣсто того оно само себя покрываетъ стыдомъ; а намъ вообще причиняетъ столь много зла, что и цѣлыя столѣтія едва ли могутъ исправить оное, естьли дальнѣйшія слѣдствія не будутъ пресѣчены заблаговременно. Но что всего удивительнѣе, то это то, что собраніе не смотря на всѣ причиненныя отъ него бѣдствія, и не взирая на мерзкія свои и совершеннаго отвращенія заслуживающіе поступки, требуетъ къ себѣ уваженія. Развѣ — величайшаго презрѣнія можетъ оно требовать; — развѣ того, чтобъ быть ему вѣчно примѣромъ гнусности!

Убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ злобныхъ намѣреній, которыя

Національное собраніе имѣетъ, которые обнаруживаютъ величайшую его развратность, но которыя не очень тщательно оно скрываетъ, есть поступокъ, учиненной имъ 1789 года во время произшествій случившихся октября 5 и 6 чиселъ, — во время произшествій, коихъ и самые поздные потомки наши стыдиться будутъ. Многіе члены оказались участниками въ оныхъ, и доказательства тому были весьма основательны. Національное собраніе положило, чтобы законы не дѣлали ни кому изключенія, *но теперь объявляетъ оно себя неприкосновеннымъ.* Оно опредѣлило, чтобъ законодательная сила не имѣла судейской власти; и учредило комитетъ, надѣясь что оной согласно съ его желаніемъ сдѣлаетъ приговоръ о преступленіяхъ оскорбленнаго народа. Сей комитетъ, дабы пріобрѣсть благосклонность отъ Національнаго собранія, вскорѣ сдѣлалъ такое постыдное пятно, которое ничѣмъ изглажено быть не мо-

жетъ. Теперь раскаивается онъ въ семъ дѣлѣ, чувствуетъ терзанїе совѣсти и хочетъ оправдаться. Но поелику не смѣетъ онъ сдѣлать никакого приговору безъ согласїя Нацїональнаго собранїя, то дѣлаетъ преисполненное высокопочитанїя доношенїе, что между членами сего собранїя находятся кровожаждущїя чудовища. Нацїональное собранїе запрещаетъ дальнѣйшее изслѣдованїе, и большая часть его членовъ одобряютъ это, говоря, что революцїя произошла отъ подобныхъ сему слѣдствїй. Чернь Парижская равномѣрно осыпаетъ его похвалами. Дѣло остается нерѣшеннымъ, а между тѣмъ приложено было всякое старанїе о истребленїи судебныхъ актовъ въ разсужденїи сего предмета. Комитетъ награждаетъ свирѣпость разбойниковъ; наконецъ оной совсѣмъ уничтожается, такъ какъ и прочїя судебныя мѣста, дабы дѣло не могло имѣть дальнѣйшихъ слѣдствїй, которыя бы не въ

пользу были Національному собранію, участвовавшему больше всѣхъ въ упомянутомъ преступленіи. Тщетно стараются увѣрить насъ, будто тому была другая причина. Когда преступленіе оставлено безъ наказанія, то должно думать, что всѣ члены собранія имѣютъ въ томъ участіе; иначе же тѣ, которые ни мало въ томъ не участвовали, удалилися бы изъ онаго.

Не уже ли вы, Парижане, и теперь еще не откроете глазъ своихъ? Оскорбленіе величества, которое во всѣ времена почитаемо было мерзостнѣйшимъ преступленіемъ, щитается теперь у васъ величайшею добродѣтелію! Естьли же кто захочетъ разрушить Королевскія оковы и изторгнуть его изъ толпы убійцовъ, того и по единому самомалѣйшему подозрѣнію обвиняете вы въ оскорбленіи націи, (въ семъ химерическомъ преступленіи,) и осуж-

даете къ смертной казни! ——— И вы французы способствуете этому!

Сердца ваши не расположены были къ преступленiю: но вы изъ одного только снисхожденiя сдѣлались теперь дѣйствительными преступниками! Такъ-то далеко заблудились вы въ своемъ ослѣпленiи! Увеличится ли ваше нещастiе, когда вы возвратитесь на стезю добродѣтели и чести? ——— Никакъ... Но естьли вы не будете осмотрительны: то бѣдствiе ваше возвысится до такой степени, что не будетъ уже возможности исправить оное.

Въ чемъ должно состоять сiе преступленiе въ оскорбленiи народа? Кто можетъ дать ему точное значенiе? Какой штрафъ положенъ за оное? и кто можетъ отъ того предостеречься, чего нѣтъ въ самомъ дѣлѣ? ——— Боже мой! Какiя противорѣчiя! Мы имѣли, да и теперь еще

имѣемъ законы, ибо они не совсѣмъ еще уничтожены, но на ихъ мѣсто учреждены новые; *возмущеніе почитается священнѣйшею должностію*, а бунтъ противъ сего возмущенія называется *преступленіемъ въ оскорбленіи народа*, хотя и не смѣютъ сдѣлать ему представленія объ этомъ. Вотъ совершенно разбойническая уловка! Вотъ право сильнѣйшаго! Честь и основательность совсѣмъ теперь забыты; добродѣтельный человѣкъ не находитъ уже нигдѣ безопасности; ему во сто кратъ лучше жить въ Африканскихъ степяхъ между голодными львами и кровожаждущими тиграми, нежели находиться въ вашемъ сообществѣ.

Національное собраніе помощію мудрыхъ учрежденій и хорошо предпринятаго исправленія могло бы пріобрѣсть себѣ безсмертную славу; а строгими примѣрами навсегда доставить нашему Государству добродѣ-

тельныхъ министровъ. Оно могло бы въ числѣ своихъ членовъ найти весьма многихъ достойныхъ наказанія; и естьли бы поступило съ ними безъ лицепріятія и сожалѣнія, то безъ сомнѣнія заслужило бы похвалу отъ цѣлаго свѣта. Оно могло бы уничтожить безпорядки главныхъ чиновъ: ибо не было ему недостатка въ неограниченной власти. Наконецъ оно могло бы сбросить покрывало священной Өемиды, которое всегда носило, и тогда бы мы возблагодарили небеса за такихъ законодателей. Мы имѣли хорошихъ, но имѣли также и худыхъ начальниковъ. И такъ Націоналънаго собранія должностію было худыхъ навсегда отдалить, а изъ хорошихъ составить сенатъ, которой бы между дворомъ и народомъ служилъ посредникомъ и представлялъ бы собою цѣлую націю. Естьли бы за нужное было признано, то весьма бы легко было сдѣлать, чтобы чрезъ каждые четыре или пять лѣтъ выбираемо

было изЪ каждой провинцїи по три или четыре человѣка самыхЪ добродѣтельныхЪ и степенныхЪ депутатовЪ, которые бы составляли СеймЪ, и во время полугодичныхЪ засѣданїй разсматривали поведенїе всѣхЪ государственныхЪ начальниковЪ. Сїе было бы единственнымЪ средствомЪ удержать каждаго вЪ предѣлахЪ его должности. Всякой правитель видѣлЪ бы надЪ собою еще вышшаго начальника. Король по прежнему пользовался бы своею властїю, и ему самому поставлена бы была щастливая преграда противЪ всѣхЪ злоупотребленїй : ибо нацїя всегда могла бы напоминать ему о его обѣщанїи.

Парижане! грозная туча плаваетЪ надЪ вашими главами и угрожаетЪ своимЪ паденїемЪ. Но есть еще время предохранить вамЪ себя отЪ такого нещастїя. Провинцїи увѣрены, что вы хотите распространить власть свою по всему Государству,

но они знаютъ также и то, что существованіе ваше зависитъ единственно отъ нихъ. Естьли хотя одна провинція откажется помогать вамъ, то вы пострадаете; ибо и всѣ они могутъ обойтись безъ вашей помощи. Большая часть городовъ соединилась уже съ тѣмъ, чтобы противиться вашимъ предпріятіямъ. Даже подкупленные вами солдаты оставляютъ вашу команду и возвращаются къ своимъ знаменамъ. Съ соболѣзнованіемъ и раскаяннымъ сердцемъ изображаютъ они тамъ своимъ товарищамъ бѣдственное состояніе невиннаго нашего Короля.

Вспомните, что всѣ провинціальные депутаты, находившіеся здѣсь во время торжествованія союза Іюля 14 дня, уѣхали домой съ терзающимися сердцами, будучи поражены всѣмъ тѣмъ, что ни видѣли. Они возчувствовали величайшее презрѣніе къ Національному собранію, и не мог-

ли не терзаться видя Короля въ оковахъ. Изображенїе того, что они видѣли и расказы по возвращенїи ихъ домой, безъ сомнѣнїя не произведутъ хорошихъ для васъ слѣдствїй. Всѣ Европейскїе Государства оскорблены учрежденїями Нацїональнаго собранїя. Онѣ находятся съ Францїею въ союзѣ, и гарантировали сохранять оной непоколебимо. Вамъ не можетъ быть неизвѣстно, что они дѣлали уже нѣкоторыя покушенїя узнать, сохраняемъ ли мы трактаты? Заключенной въ оковахъ Король не можетъ ихъ уничтожить. И такъ чего вамъ ожидать? — Нѣчего болѣе, какъ только того, что вся Европа (*) подыметъ противъ васъ оружїе.

Не думаете ли вы, что и всѣмъ нацїямъ покажется столь же прїятнымъ бѣшенство, въ которомъ вы за-

(*) Сїе видимъ мы уже почти на самомъ дѣлѣ. — П.

блуждаетесь, и что чрезъ васъ вся вселенная приметъ другой образъ? О! Нѣтъ! Всѣ народы взираютъ на васъ съ отвращенїемъ и остерегаются васъ какъ людей зараженныхъ язвою. Повсюду чувствуютъ теперь омерзѣнїе къ Французамъ. Повсюду награждаютъ ихъ либо ссылкою, либо и самою смертною казнїю. Одни только тѣ остаются въ безопасности, которые сосланы вами въ заточенїе: ибо изъ того заключаютъ, что они не приняли вашего образа мыслей. Наконецъ же нѣкоторые утверждаютъ, что униженїе нашего Монарха и худые съ нимъ поступки ваши занимаютъ теперь вообще всѣхъ Государей, которые принужденными себя видятъ приняться за отмщенїе.

Вы знаете, что сама натура влечетъ насъ къ тому, чтобы отмщать не только собственныя наши обиды, но и тѣ, которыя нанесены нашимъ сродникамъ или прїятелямъ.

Но сыщется ли хотя одна женщина вЪ свѣтѣ, какого бы она состоянія ни была, которая бы была столь чувствительно оскорблена, какЪ наша Королева? — Королева, которая и по сіе время сноситЪ безпрестанныя ругательства и насмѣшки посреди сорока тысячь человѣкЪ войска, которые однако же притворяются, будто ее защищаютЪ, оказываютЪ ей свою приверженность и предохраняютЪ отЪ всякой опасности! О! Парижане! ОтЪ единаго о семЪ воображенія раждается ужасЪ во внутренности души моей! — — Не уже ли вы забыли, что сія Королева есть сестра Монарха, у коего находится вЪ готовности четыреста тысячь храбраго войска, — войска, которое предано ему всею душею и ожидаетЪ только его повелѣнія! Оно стоитЪ уже предЪ вашими вратами, или по крайней мѣрѣ вЪ теченіе четырнатцати дней можетЪ стать предЪ оными. СверьхЪ же того, какЪ скоро ар-

мія сія сдѣлаетъ хотя одинъ шагъ во Францію: то будетъ она въ четверо умножена недовольными Французами: (*) —— —— Парижане! Сей столь страшной Монархъ чувствительнѣйше любитъ сестру свою. Ея нещастіе пронзаетъ его душу. Онъ съ почтеніемъ удивляется непоколебимой ея твердости и столь рѣдкимъ добродѣтелямъ. Но хотя бы онъ и презиралъ ее, хотя бы смертельно ненавидѣлъ: то и тогда бы долженъ былъ отмстить за нее, дабы не причинить собственной своей чести ущербу. Вотъ ваши обстоятельства! Вотъ состояніе, въ которое ввергнула васъ глупая довѣрчивость къ Національному собранію, состоящему изъ столь мерзкой сво-

(*) Предсказаніе сіе хотя и не совсѣмъ сбылось, однако же имѣло довольно справедливости. —— Всякому извѣстно, какое множество Французовъ присоединилось къ Французскимъ Принцамъ. — П

лочи, что мы бы гораздо были щастливѣе, естьли бы небо пришедши въ сожалѣніе, избавило насъ отъ несноснаго ихъ присутствія.

Вы всѣ признаетеся, что Франція стенаетъ подъ бременемъ нещастій, какихъ она никогда еще не испытывала. Вы бы отдали половину своего имущества, естьли бы она приведена была въ такое же состояніе, въ какомъ находилась до учрежденія Національнаго собранія: однако же вы боитеся противо-революціи, думая, что она будетъ ужаснѣе, нежели самая революція. Вы страшитеся ручьевъ крови, которые по вашему мнѣнію должны протечь по всему Государству. Но что вы скажете, естьли я дамъ себя порукою, что вы не прольете ни единой капли? Возвратитеся ли вы къ своей должности, когда я докажу вамъ очевидно, что это ничего не будетъ вамъ стоить? — Дайте мнѣ знать объ этомъ.

Прежде всего я долженъ вамъ сказать, что всѣ честные люди, которые имѣютъ какое нибудь званіе или имущество, думаютъ уже о противо-революціи; и что революція никогда не была извѣстна добродѣтельнымъ поселянамъ, у коихъ единственное пропитаніе составляютъ руки ихъ. Когда станешь имъ говорить о революціи, то тотчасъ открывается, что они и понятія объ оной не имѣютъ. Я самъ примѣтилъ это во многихъ провинціяхъ Королевства.

Всѣ члены Національнаго собранія, принадлежащіе къ правой сторонѣ, согласны съ вами и питаютъ усерднѣйшее желаніе о возстановленіи порядка и Монархіи. Весьма великая часть даже и тѣхъ, которые принадлежатъ къ сторонѣ, назвавшей себя *лѣвою* и дѣлающей все превратнымъ образомъ, ничего больше не желаютъ, какъ видѣть Короля по пре-

жнему на престолѣ. Правда, они всегда подавали противной сему голосъ: но они бы не сдѣлали этого, естьли бы по нещастїю не сидѣли на лѣвой сторонѣ и не думали, что они непремѣнно тамъ сидѣть должны, или естьли бы не доставало имъ желанїя и твердости отстать отъ сей партїи. И такъ вы имѣете себѣ неприятелемъ только бѣшеную народную партїю. Но естьли вы повѣсите человѣкъ тритцать самыхъ безстыднѣйшихъ изъ оной, то прочїе сами собою успокоятся. Вамъ будутъ противиться разбойники, состоящїе на жалованьѣ Нацїональнаго собранїя. Однако же во всемъ Государствѣ едва ли ихъ наберется болѣе десяти тысячь. Отъѣздъ господина Неккера уменьшилъ еще болѣе число ихъ. Вы будете имѣть также противъ себя бунтовщиковъ Королевскаго дворца. Но я уже разумѣлъ ихъ подъ имянемъ подкупленныхъ разбойниковъ. Сверьхъ же сего можно еще объ нихъ

и то сказать, что они не слишкомъ страшны, когда не вооружены бываютъ, а вооруженными никогда еще ихъ не видали. Наконецъ я думаю, вы мнѣ и въ томъ уступите, что не льзя назвать *кровопролитiемъ* того, когда будетъ проливаема кровь злодѣевъ, но что лучше назвать сiе кропусканiемъ, служащимъ къ облегченiю Государственной немощи.

Я скажу вамъ еще болѣе. Всѣ сiи бѣшеные защитники народной вольности, которые столько зла между нами посѣяли, не находятъ уже себѣ нигдѣ безопаснаго и спокойнаго мѣста. Они довольно знаютъ, что въ провинцiяхъ готовятся висѣлицы, на которыхъ злодѣйскiе ихъ трупы получатъ достойное себѣ наказанiе, а по тому и не смѣютъ обратиться. Они приводятъ все въ такое замѣшательство, что не льзя не предвидѣть, что они сами разрушатъ собственное ихъ зданiе. Такимъ - то

образомъ не остается имъ другой надежды, какъ только спасаться при всеобщемъ заблужденіи. Такъ-то изъ заблужденія произрастетъ порядокъ. Но безъ сомнѣнія предшествующее потрясеніе должно быть медлѣнно и сильно. Вы же понесете тогда безчестіе, когда напротивъ того могли бы пріобрѣсть безсмертную себѣ славу.

Подумайте! Неизбѣжное банкрутство угрожаетъ теперь Государству. Все зло, которое оно влечетъ за собою, упадетъ особенно на Парижъ. Провинціи мало отъ того постраждутъ. Вы не думайте, чтобы они раздѣлили съ вами нещастіе. Они подобны наложницамъ, на которыхъ вы истощаете свое богатство. И такъ послушайте меня и постарайтесь предупредить сіе ужасное позорище. Ваши предводители и Меры никогда не оправдаются въ томъ, что Короля вашего сдѣлали невольникомъ. Они

вЪ глазахЪ позднѣйшаго потомства будутЪ казаться безчестными; иной за то, что искалЪ спокойствія вЪ объятіяхЪ сна, и допустилЪ, чтобы Король окруженЪ былЪ убійцами; *ибо герой не спитъ, когда порокъ дѣлаетъ ухищреніе противъ трона, коего защитникомъ онъ себя объявляетъ*; другой за то, что гордо говорилЪ сЪ МонархомЪ, обложивЪ его оковами: *Мы радуемся, что имѣемъ во власти В. В.*,, —— ВотЪ какихЪ бездѣльниковЪ защищаете вы, принимая отЪ нихЪ законы. Я еще вамЪ повторяю, что они не могутЪ повелѣвать, потому что не научились повиноваться. Они ввергнутЪ васЪ и сЪ собою вЪ ужаснѣйшую бездну.

Не безчестно ли это, что вЪ то самое время, когда находится вЪ Парижѣ около 40000 войска, состоящаго изЪ гренадеровЪ, конницы и даже СаперовЪ, и когда мѣсто сіе защищается страшною Артиллеріею, нѣсколько безоружныхЪ и оборванныхЪ

бездѣльниковъ безъ всякаго опасенїя обижаютъ всѣхъ честныхъ людей? Не смѣшно ли и не стыдно ли предводителю сихъ войскъ, что онъ терпитъ столь частыя стеченїя народа, чего бы никакъ допускать не надлежало?

Не стыдно ли, что народъ предъ его глазами заводитъ бунты въ семъ охранномъ войскѣ, что книгопродавцы публично продаютъ пасквили, какїя и непрїятель отъ непрїятеля снести не можетъ, что во всѣхъ сторонахъ и по всѣмъ улицамъ поютъ мерзостнѣйшїя возмутительныя пѣсни, дабы народъ еще болѣе свести съ ума, и дабы вооружить его противъ гражданъ, отъ коихъ зависитъ все его пропитанїе. Не смѣшло ли наконецъ, что съ величайшими издержками велѣно всей нацїи явиться въ лицѣ ея депутатовъ, дабы сдѣлать союзъ и на жертвенникахъ предъ лицемъ Божїимъ, дать клятву въ непоколебимомъ братствѣ, равно какъ

бы для поруганія богослуженія и его обрядовЪ.

И такЪ вы видите, что предводитель составляя изЪ васЪ армію, не имѣетЪ другой цѣли, какЪ только, чтобы удовлетворить своей гордости и честолюбію.

Любовь ко всеобщему благу служитЪ ему только пустою отговоркою. ОнЪ повелѣваетЪ вамЪ быть безпрестанно вЪ оружіи, приказываетЪ ежедневно таскать васЪ по всѣмЪ ПарижскимЪ улицамЪ и ужасно васЪ муштруетЪ, но все это для того только чтобы обЪ немЪ говорили и думали. ОнЪ не хочетЪ, чтобы Король имѣлЪ войска и желаетЪ развратить ихЪ сколько можно больше. МожетЪ ли онЪ порядочно оправдаться вЪ томЪ, что посылалЪ Флигель-АдьютантовЪ вЪ Нанси? Не уже ли онЪ сдѣланЪ главнымЪ начальникомЪ надЪ всѣми Французскими войсками? Ему хочется вЪ однихЪ своихЪ рукахЪ имѣть всѣ си-

лы Государства. Но чисты ли его намѣренія? — Я не хочу входить въ это, но скажу, что хотя бы онъ и не имѣлъ дурныхъ намѣреній, только изъ всего видно, что онъ повелѣвать не умѣетъ.

Показавши вамъ бѣдственныя слѣдствія и непристойность вашего поведенія, долженъ я теперь предложить вамъ средства, съ помощію которыхъ могли бы вы предупредить совершенное разрушеніе вашего города, возстановить ваше благосостояніе, пріобрѣсть опять уваженіе, котораго вы-было лишились, и превосходнѣйшимъ дѣйствіемъ снискать безсмертную себѣ славу.

Сердца ваши не совсѣмъ еще испорчены, и естьли вообще взять, то вы добрые люди. Король вашъ находится на высочайшемъ степени.... И такъ обратитеся! Обра-

титься ни мало не стыдно, когда кто съ лишкомъ далеко зашелъ.

Отступъ бываетъ иногда славнѣе побѣды. Оставьте нынѣшняго вашего предводителя. Иначе же вы ничего съ нимъ не сдѣлаете; и естьли захотите исправить свою погрѣшность, то вся вина упадетъ на него. Вы оказали предъ цѣлымъ свѣтомъ примѣръ возмущенія и непонятными судьбами все Государство послѣдовало за вами. О! сколь великаго наказанія достойны виновники сего бунта! Они одни только не должны ожидать никакой милости. Вся вселенная предала ихъ проклятію, да и потомство никогда имъ не проститъ этого.

Возвратите Королю всю власть его; она вамъ необходимо нужна будетъ! Призовите опять его гвардію и поручите ей стараться о

безопасности его особы. Вы тщетно себя ласкаете, будто можете охранять его. Рано или поздно только уже безъ сомнѣнія — все возвратится въ прежній свой кругъ. Все будетъ по старому и нововыдуманныя дурачества пройдутъ подобно туману. Но естьли прежняя конституція возстановится безъ вашего содѣйствія: то его Величество никогда не позабудетъ безчестныхъ поступковъ, какіе вы оказывали въ семъ городѣ, — въ городѣ, которой за приверженность свою къ Королямъ удостоенъ былъ имени *добраго города.* Васъ почитаютъ, да и нельзя теперь почесть иначе, какъ заблуждающимися, но такими, которые тотчасъ возвратятся на прямой путь, какъ скоро оной будетъ показанъ.

Перестаньте себя обманыват. Это противорѣчитъ характеру Французовъ, чтобы они самихъ себя у-

правляли (*). Вамъ надобенъ Самодержецъ, которой бы всѣми вами предводительствовалъ. Сей обладатель спитъ теперь; но страшитесь, когда онъ проснется и станетъ отмщевать нанесенныя ему оскорбленія.

А что онъ сыщетъ себѣ защитниковъ, какъ скоро захочетъ, въ томъ вы ни мало не сомнѣвайтесь. Въ Государяхъ нѣтъ еще недостатка. Можетъ быть вы воображаете себѣ, что Людовикъ XVI столько добръ или слабъ, что не можетъ дать вамъ возчувствовать всю тяжесть своего мщенія? Противъ сего я не спорю; но ему нуженъ одинъ только великой мужъ, съ помощію котораго могъ бы онъ сдѣлаться величайшимъ Монархомъ

(*) Прекрасно сказано! Національная вѣтренность французовъ всегда подтвердитъ сію истинну П.

въ свѣтѣ. Не уже ли онъ не сыщетъ такого. Нещастная его планета воспрепятствовала, что онъ еще не восталъ. Но мы бы должны были почитать себя совершенно оставленными отъ Бога, естьлибы изъ всего Государства не выбрался хотя одинъ такой. Я думаю, что онъ уже дѣйствительно находится между нами; ибо все ведетъ насъ къ тому исполинскими шагами. Угнѣтенiе породило независимость, отъ независимости погрязли мы въ Анархiи, а отъ сей нуженъ только одинъ шагъ, чтобы подвергнуться намъ игу жесточайшаго деспотизма. Вотъ степени и вашъ примѣръ будетъ ужаснымъ наставленiемъ, какъ должно приступить къ дѣлу, чтобы снискать себѣ повиновенiе.

И такъ обратимся любезнѣйшiе мои друзья! предупредите тучу, которая собирается надъ вашими главами; громовая стрѣла гото-

ва уже поразить васЪ. Но отЪ васЪ самихЪ зависитЪ отвратить бурю, ибо вы обмануты и удалены отЪ прямой дороги. Я говорю вамЪ о прошедшемЪ обманѣ, но естьли вы обратитеся, то престанете быть наказанія достойными, или лучше сказать вы никогда не были таковыми. Одни только безсовѣстные обманщики ваши заслуживаютЪ смерть, вы же напротивЪ того достойны любви Короля вашего.

Когда вЪ скоромЪ времени или сегодняже возвратитеся вы кЪ своей должности, то получите право на незагладимую признательность со стороны Короля и непоколебимую славу отЪ всѣхЪ націй, которыя станутЪ взирать на васЪ сЪ изумленіемЪ. Вы будете служить примѣромЪ для провинцій, и каждая изЪ нихЪ будетЪ спѣшить послѣдовать за вами. ВашЪ примѣрЪ возбудитЪ войско, которое ожидаетЪ только

случая, чтобы оказать свое раскаянїе. Вы заставите краснѣться тѣхъ офицеровъ, которые Королю и отечеству своему содѣлались измѣнниками, и которые не столь достойны снисхожденїя, какъ простолюдины, которыхъ они обманули. Сїе признанїе есть по истиннѣ смертельной ударъ сердцу!

Такъ, друзья мои! между офицерами есть измѣнникъ. Они получали жалованье отъ Короля, клялись ему въ вѣрности и были столько подлы, что ему измѣнили. (Правда, я знаю цѣлые полки, которые избавились отъ сей заразы.) Сїи измѣнники гораздо презрѣннѣе принятыхъ на жалованье разбойниковъ, которые посылаются для раззоренїя провинцїй; ибо они, будучи благородно воспитаны, сдѣлались столь подлы, что забыли всю честь свою. Придетъ время, въ которое они лишены будутъ всей милости, и въ которое поносная

ссылка будетъ ихъ наградою. По щастїю число ихъ весьма мало. Но, друзья мои! я видѣлъ и сїе вообще уваженїя достойное общество храбрыхъ офицеровъ, и примѣтилъ, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ вылѣтѣли глубокїе вздохи о нещастномъ состоянїи Государства. Я замѣтилъ, сколь имъ тягостно, что чувствуя въ жилахъ своихъ благородную кровь и желая пролить оную, не могутъ они сдѣлать сего съ пользою. Они готовы до послѣдней капли крови сражаться, только чтобы Францїя возвратила свое щастїе, а Король взошелъ бы на престолъ своихъ праотцевъ Одинъ только знакъ нуженъ, чтобы вся слава предпрїятїя вамъ досталась. Сїи знаменитые воины не станутъ вамъ въ томъ завидовать.

Не думайте, чтобы всѣ офицеры, которые столь благородно думаютъ, принадлежали къ дворянству. Есть изъ гражданъ многїе, кото-

рые также думаютъ какъ благородные, хотя сей образъ мыслей и противорѣчитъ нѣсколько ихъ происхожденiю; ибо оно рѣдко одаряетъ насъ потребными добродѣтелями. Сiе доказываютъ многiе члены Нацiональнаго собранiя. Нѣкоторые изъ нихъ кажутся совершенно рожденными къ высочайшему достоинству; но естьли разсмотрѣть ихъ внимательнѣе, то откроется, что они гораздо болѣе склонны къ рабству, нежели самые подлые носильщики. Но есть между ими и такiе, отъ коихъ сочлены могутъ научиться гораздо благороднѣе думать. Я еще болѣе скажу, утверждая, что не только духовенство и дворянство признаетъ безчестнымъ все нынѣ происходящее, но и всякой честной человѣкъ. Одни только злодѣи или до бездушiя вскружившiяся головы могутъ приписывать похвалу учрежденiямъ Нацiональнаго собранiя. Но придетъ день, и уже онъ близокъ, въ кото-

рой всѣ врата будутъ имъ затворены, въ которой никто не захочетъ быть съ ними вмѣстѣ, и въ которой будетъ ихъ преслѣдовать поношенїе вездѣ, куда они ни появятся.

Естьли вы захотите возвратиться къ повиновенїю, которымъ обязаны Королю, дабы прекратить все зло, которое уже столь долго насъ угнетаетъ; и естьли думаете, что я нуженъ буду для исполненїя сдѣланныхъ мною предложенїй: то я предлагаю вамъ мои услуги, и вы въ сходственность вашихъ желанїй найдете меня всегда готовымъ. Не думайте, чтобы я для того только желалъ быть вашимъ предводителемъ, чтобы управлять всею армїею и пользоваться знатными доходами. Я уже предводительствовалъ войсками въ моей жизни и оказанныя мною на войнѣ услуги извѣстны. Но теперь не къ чему мнѣ должность предводителя. Выберите себѣ начальни-

ка, которой бы васъ достоинъ былъ! Я за долгъ почту ему повиноваться, потому что всѣ мои желанія стремятся только къ благополучію Государства. Я не требую ни единаго талера жалованья, ибо нахожу смѣшнымъ, чтобы въ теперешнихъ тѣсныхъ нашихъ обстоятельствахъ Генералъ безжалованной (einer unbesoldeten, т. е. въ которой солдаты не берутъ никакого жалованья,) арміи получалъ знатное содержаніе. Я знаю, что есть солдаты состоящіе на жалованьѣ, но ихъ въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ должно почитать больше за вспомогательныя войска.

Естьли же вы хотите, чтобы я принялъ команду, то я соглашусь и на это, но только до тѣхъ поръ, пока предложеніе мое будетъ исполнено; тогда же сложу я оную охотно. Но еще повторяю вамъ: *Я требую повиновенія.* Въ семъ состоятъ единственныя мои условія.

вЪ прочемЪ я обѣщаюсь, что все кончится безЪ кровопролитія, и одни только оскорбители Величества усмирены будутЪ, когда сами себя до того допустятЪ.

Мы получимЪ отЪ Короля полное и совершенное исполненіе торжественнаго его обѣщанія, послѣдовавшаго 1788 года Іюля 23 дня, и будемЪ благополучны.

Всѣ безпорядки вкравшіеся при дворѣ будутЪ уничтожены, и господа почтутЪ себя щастливыми, когда знатность ихЪ будетЪ заключена вЪ надлежащіе предѣлы, ибо они во время революціи имѣли вЪ разсужденіи сего страшное наставленіе; тѣ же, которые при сей перемѣнѣ сами себя обезчестили, должны на вѣки лишиться чести и достоинствЪ.

ВЪ сіе щастливое время легко уже будетЪ привести духовенство,

дворянство и парламентъ къ ихъ должности; и они почтутъ себя совершенно щастливыми, когда въ состоянiи будутъ жить добродѣтельно и пребывать въ своемъ званiи.

Я еще вамъ повторяю, что никогда не было лучшаго времени для доставленiя Государству новыхъ силъ и новой жизни. Всякой возчувствуетъ теперь сильное потрясенiе, всякой научился разсматривать свою несправедливость и всякой желаетъ исправить оную. Но естьли вы не воспользуетесь сею минутою, то отчаянiе овладѣетъ всѣми вами, и тогда можетъ быть произойдетъ то, что вы увидите вездѣ дымящiеся потоки крови; какую важную ролю можете вы играть, когда захотите предупредить сiе нещастiе!!!

Мы можемъ быть безопасны отъ банкрутства. Я имѣю къ этому довольную надежду и сообщу

вамЪ мои намѣренія касательно до возстановленія публичнаго кредита и до обращенія денегЪ. Ваши законодатели для своего обогащенія, а для вашего конечнаго раззоренія будутЪ васЪ подвергать ссылкамЪ и заточенію, дабы вымучить сколько нибудь денегЪ. Они никакЪ не могутЪ скрыть сего намѣренія, ибо отнимая у другихЪ все, сами они ужаснѣйше воруютЪ. Еще разЪ повторяю: естьли услуги мои вамЪ пріятны: то я ихЪ предлагаю вамЪ. Но чтобы не было сомнительно, то дайте, мнѣ знать объ этомЪ чрезЪ издателя журнала подЪ названіемЪ *Королевскаго друга*, и чрезЪ продолжающихЪ Фрерона. Откажитеся отЪ своего Генерала, уничтожте безпорядочное стеченіе народа вЪ Парижѣ, возпрепятствуйте заговорамЪ вЪ КоролевскомЪ дворцѣ и разпространенію всѣхЪ ругательныхЪ сочиненій, и попросите Графа ФонЪ Афри полковника Швейцарской Гвардіи, чтобы

онъ согласился вами предводительствовать. Ежели все сїе исполните, то вы тотчасъ увидите меня готоваго съ удовольствїемъ раздѣлять свои труды подъ начальствомъ такого командира. Вы увидите, что могутъ сдѣлать храбрые люди! — Наше дѣло праведно; Богъ намъ поможетъ.

Теперь къ вамъ, Французскїе дворяне! къ вамъ знающимъ непорочность моихъ намѣренїй и имѣющимъ тому опыты, рѣчь мою обращаю. Естьли я не буду столько щастливъ, чтобы уговорить часть нацїи, которую я имѣлъ своимъ предметомъ, къ возстановленїю порядка въ Государствѣ и къ возведенїю Короля на тронъ со всѣми его правами: то присоединитесь хотя вы ко мнѣ. Мы одни исполнимъ сїе великое дѣло и исполнимъ безъ всякаго кровопролитїя. Мое сердце всегда отъ того отвращалося и я

представляю это Національному собранію, сему кровожаждущему чудовищу, которое все свое удовольствіе полагаетъ въ томъ, чтобы упиваться народною кровію, хотя и никогда не можетъ утолить неутолимой своей жажды. Я бы желалъ, гдѣ только можно, щадить и малѣйшія капли сей благородной крови. Что же касается до моей собственной, то я съ величайшею радостію пожертвовалъ бы ею, естьли бы зналъ, что она достаточна будетъ къ содѣланію Франціи щастливою.

Мнѣ непонятно, какъ Французское дворянство, которое столь часто оказывало опыты любви къ Королямъ, своимъ Государямъ, которое столь многократно жертвовало своею кровію за честь Государства, самимъ имъ учрежденнаго, и которое оказало опыты такого мужества и произвело такія дѣла, которыя едва ли бы могли предпріять и самые

Греческіе герои, на которыхъ взирають съ величайшимъ изумленіемъ. -- Какъ, говорю я, сіе дворянство предается теперь постыдному сну: Такъ! государи мои! Вы не должны сердиться, когда я скажу вамъ въ глаза, что Французское дворянство обезславливаетъ теперь себя постыдною бездѣйственностію.

Не правда ли, что каждой изъ васъ, на кого бы ни стали нападать, не снесъ бы и малѣйшаго оскорбленія? Но почему же теперь, когда всѣхъ оскорбляютъ, никто изъ васъ не щитаетъ себя обиженнымъ? Вы бы согласилились лучше умереть, нежели чтобы хотя малѣйшее пятно обезобразило жизнь вашу, но теперь терпите вы все, чтобы поступали съ вами какъ съ пометомъ людскимъ. Всякой имѣетъ право поносить васъ, и вы для этого самаго не смѣете приняться за отмщеніе. *Наша сторона слабѣе*, гово-

рите вы. Пусть такъ, но естьли вы слабы, такъ научитеся по крайней мѣрѣ умирать честно и оставьте вашему потомству славное по себѣ имя Ибо естьли вы въ противномъ случаѣ оставите въ покоѣ нынѣшнее учрежденіе: то дѣти ваши будутъ стыдиться, что получили отъ васъ бытіе свое — На лошадей! друзья мои! Можетъ быть вы еще возразите мнѣ: ,, Короли, которымъ Французское дворянство ,, оказало столь знаменитыя услуги, ,, сами предводителствовали онымъ и ,, собственною особою защищали свои ,, предпріятія; но нынѣшній не только бы не одобрилъ нашего намѣренія, чтобы возвесть его на тронъ, ,, но еще оставилъ бы насъ, и все, ,, чтобы мы ни захотѣли для него ,, сдѣлать, призналъ неправеднымъ.,, — Естьли вы такъ думаете, то не призывайте его въ совѣтъ. Возвратите ему прежнюю знатность, и тогда представши съ покорностію —

скажите ему: разсмотрите Ваше Величество, что мы учинили: противно ли вамъ, что мы сдѣлали васъ первымъ Государемъ въ свѣтѣ? — Вы увидите, что онъ откроетъ вамъ свое сердце и скажетъ въ отвѣтъ: друзья мои! „Я никогда не „забуду, чѣмъ вамъ обязанъ. Вы од„ни только истинные защитники „моего трона, которой безъ васъ „не можетъ стоять твердо. Вы ви„дите бѣдственное мое положенїе. „Коликократно желалъ я сыскать „случай къ истребованїю вашей по„мощи! Но я долженъ употреб„лять принужденное притворство и „отвергать то, что не хотѣли для „меня сдѣлать. Смѣшныя учрежденїя „которыя по неволѣ мною подписа„ны, могутъ васъ довольно въ томъ „увѣрить. Будьте моими друзья„ми, я вѣчно вашимъ буду. Всемъ, „что теперь ни имѣю, я вамъ од„нимъ обязанъ; но не оставьте ме„ня. Будучи вами подкрѣпленъ,

„ могу я все сдѣлать, безъ вашей „ же помощи все для меня невозможно „ Наконецъ, естьли вы не хотите сдѣлать сего для Людовика XVI, то отважтесь для Короля Францïи, и ощастливьте Монархïю, которая бытïемъ своимъ вамъ обязана.

Уничтожить права и должность Королевскую не во влавти Государя состоитъ. Онъ можетъ свое Государство прославить, свою знатность умножить и даже отказаться отъ престола, когда захочетъ, но болѣе не имѣетъ онъ права ничего сдѣлать. Государство принадлежитъ наслѣднику его мужескаго поколѣнïя, ближайшему къ престолу. Естьли же сïе поколѣнïе прекратится: то Государство будетъ намъ принадлежать, и каждой Французъ можетъ тогда имѣть и дѣлать на оное претензïи; но раззорять его никто не долженъ. Изъ сего ясно видно, что вы будете сражаться за

ваше добро, за вашу честь и за вашу славу. Въ прочемъ же будьте увѣрены, что предпріятіе сіе ни мало не превосходитъ силъ вашихъ.

Не многократно ли уже видѣли вы бунты во Франціи? Не видѣлиль, что дворянство часто подвержено было гоненію? — Такъ; мы имѣли тому множество примѣровъ. Однако же едва самое малое число благородныхъ людей соединялось; то разбивали они безчисленныя толпы вооруженной черни, которая большею частію не могла противиться болѣе одного дня. Вы видѣли это весьма недавно въ Нанси, только съ такимъ различіемъ, что здѣсь нелегулярныя войска бывшія въ городѣ сражались противъ такого же числа регулярныхъ, стоявшихъ въ полѣ. Сіи имѣли Офицеровъ, первые же не имѣли ихъ, и не болѣе какъ въ три часа были они совершенно разбиты. И такъ для чего вы медлите соедине-

ніемъ? Вы говорите, что не имѣете предводителей; ну такъ выберите какого нибудь! Хотя бы васъ было только пятдесять, то и тогда могли бы вы уступить мѣсто начальства одному, котораго вы за достойнѣйшаго почтете. Соединясь такимъ образомъ, ступайте вы по провинціямъ: но убѣгайте тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ надѣетесь сыскать наиболѣе сопротивленія. Призывайте всѣхъ недовольныхъ, какого бы званія они ни были, только бы желали съ вами соединиться. Ваше войско вскорѣ сдѣлается весьма страшнымъ; ибо число недовольныхъ часъ отъ часу возрастаетъ. Тогда уже легко можете вы выбрать мужа, которой бы вами предводительствовалъ.

Лейбъ Гвардія Королевская и Королевскаго брата Графа фонъ Артоа естьли съ вами соединится, будетъ одна достаточна къ тому, чтобы всѣхъ грабителей Государства заста-

вить дрожать, и я вамъ ручаюсь, что естьли бы 1200 благородныхъ всадниковъ собрались въ полѣ, хотя бы это было за двѣсти миль отъ Парижа: то навели бы они неописанной ужасъ Національному собранію и всѣмъ его послѣдователямъ, гордящимся только тѣмъ, что примѣчаютъ въ насъ униженную трусость.

Мое честолюбіе не къ тому клонится, чтобы получить мѣсто предводителя или умножить число моихъ послѣдователей: но къ тому, чтобъ достигнуть благословенной тишины, и когда сіе совершится, умереть спокойно. — Естьли вы склоните на мое предложеніе хотя двѣсти человѣкъ храбрыхъ гражданъ такихъ же роялистовъ какъ я, то они должны собраться въ назначенномъ мѣстѣ, и дать о томъ извѣстіе, дабы я могъ къ нимъ явиться. Я васъ увѣряю, что число послѣдователей нашихъ вскорѣ сдѣлается ужасно ве-

лико и всѣ полки, сохранявшіе къ Королю вѣрность въ короткое время будутъ на нашей сторонѣ. Я знаю, что должно сдѣлать, чтобы всѣхъ ихъ склонить, но въ этомъ состоитъ мой секретъ, коего не могу теперь открыть, чтобы не привесть всего въ совершенную растройку. Мнѣ можно только то сказать, что я разсматривалъ многіе гарнизоны, и узналъ мысли простолюдимовъ гораздо лучше, нежели какъ другіе думаютъ. Они ожидаютъ только сигналу: но какъ видятъ, что Офицеры и даже предводители подкуплены, и что никто не хочетъ съ ними соединиться, а токмо думаютъ о томъ, чтобы какъ нибудь ихъ обманывать: то тщетно требуютъ, чтобы они противились всеобщему разлитію.

Храбрые воины Франціи неиначе думаютъ, какъ что они всѣми оставлены, признаны за ненужныхъ и лишены всѣхъ достоинствъ. Все погиб-

ло! Все расхищено! Предупредите хотя вы большее зло и воспользуйтесь минутою, которая для васЪ столь драгоцѣнна.

СЪ самаго начала революцїи слышу я безпрестанно говорящихЪ: *Это пройдетъ!* — *Это само собою кончится!* — Каждый день говорятЪ тоже самое: но по окончанїи каждаго дня видятЪ, что *это не проходитъ.* Однако же естьли все этакЪ будутЪ отсрочивать: то нѣтЪ ни малѣйшаго сомнѣнїя, что наконецЪ не будетЪ уже способнаго времени ниже единой минуты. Одно только малодушїе препятствуетЪ вамЪ воспользоваться сими драгоцѣнными часами. Ибо что касается до меня, то хотя бы три члена моего тѣла отрубили, я бы и тогда старался сберечь хотя четвертой. Я знаю, что могутЪ меня умертвить, ибо убивство есть поступокЪ, свойственной Нацїональному собранїю. Но я не забываю, что я одинЪ изЪ ихЪ господЪ, что они

мои слуги, вѣроломные слуги, которые хотя и могутъ меня умертвить, но сдѣлать себѣ подвластнымъ никогда не сильны.

И такъ проснитеся дворяне! Вотъ наилучшее время показать вамъ себя! Чѣмъ болѣе вы его отсрочиваете, тѣмъ болѣе укрѣпляются непріятели ваши, и вы мало по малу подвергаетеся несносному игу.

Не думайте, говорю я, чтобы не возможно было возвратить Государству прежній его и приличный видъ. Произведеніе революціи было гораздо труднѣе, нежели востановленіе порядка быть можетъ. Какъ бы можно было подумать, чтобы небольшое число разбойниковъ въ состояніи было опровергнуть все въ такомъ благоучрежденномъ Государствѣ, каково наше было? Я знаю, что пріуготовленія къ сей революціи давно уже были; но знаю так-

же и то, что число добрыхъ людей гораздо превосходитъ число злодѣевъ, и что всѣ уже наскучили беспокойствами, которыя насъ мучатъ. И такъ не опасайтеся, чтобы вы встрѣтили какія нибудь препятствія, но будьте увѣрены, что всѣ благомыслящіе Французы одобрятъ ваше предпріятіе, а особливо когда увидятъ, что старанія ваши имѣютъ цѣлію одно только благосостояніе Государства и искорененіе злоупотребленій. Всякой страждетъ и всякой съ нетерпѣливостію ожидаетъ наступленія сей щастливой минуты.

КОНЕЦЪ.

Имена особъ благоволившихъ подписаться на сїю книгу.

	Экзеп.
Его Сїятельство Графъ Кирила Григорьевичь Разумовскїй - -	2.
Его высокопревосходительство Петръ Ивановичь Вырубовъ. - - -	1.
Ея высокопревосходительство Наталья Артемьевна Загряцкая. - -	1.
Его сїятельство Князь Михайло Михайловичь Голицынъ. - - -	1.
Его превосходительство Петръ Ѳедоровичь Талызинъ. - - -	1.
Его превосходительство Николай Даниловичь Языковъ. - - -	1.
Ея превосходительство Анна Алексѣевна Хитрова. - - -	1.
Его сїятельство Князь Николай Александровичь Оболенскїй - -	1.
Ея сїятельство Графиня Анна Сергѣевна Салтыкова - - -	1.
Его сїятельство Графъ Алексѣй Семеновичь Мусинъ-Пушкинъ. -	1.
Его сїятельство Графъ Андрей Ивановичь Толстой. - - -	1.

Экзем.

Его сїятельство Князь Алексѣй Николаевичь Долгорукой. - - 1.

Его сїятельство Князь Иванъ Петровичь Тюфякинъ. - - - 1.

Ея сїятельство Княжна Катерина Алексѣевна Кропоткина. - - 1.

Ея сїятельство Княжна Варвара Василѣевна Урусова. - - - 1.

Его высокородїе Петръ Владимировичь Лопухинъ. - - - 1.

Его высокоблагородїе Кавалеръ Александръ Петровичь Курбатовъ. - 1.

Его высокоблагородїе Петръ Ивановичь Измайловъ. - - - 1.

Его высокоблагородїе Михайло Дмитрїевичь Лихаревъ. - - - 1.

Его высокоблагородїе Яковъ Ивановичь Трусовъ. - - - - - 1.

Его высокоблагородїе Кавалеръ Аѳанасїй Михайловичь Гончаревъ - 1.

Его высокоблагородїе Дмитрїй Степановичь Нечаевъ. - - - 1.

Его высокоблагородїе Петръ Ивановичь Воронцовъ. - - - 1.

Его высокоблагородїе Иванъ Родїоновичь Кошелевъ. - - - 1.

Экзеп.

Его высокоблагородїе АлександрЪ Никитичь ЛопухинЪ. - - - 1.

Его высокоблагородїе Николай Осиповичь ВнуковЪ. - - - - 1.

Его высокоблагородїе ПетрЪ Александровичь АладьинЪ. - - - 1.

Его высокоблагородїе АлександрЪ Ивановичь СмирновЪ. - - - 3.

Его высокоблагородїе ИванЪ Родїоновичь БошашевЪ. - - - 1.

Ея высокоблагородїе Парасковья Ивановна Кольчева. - - - 1.

Ея высокоблагородїе Анна Николаевна Матюшкина. - - - - 1.

БаронЪ ПавелЪ Исаевичь ШафировЪ. - 1.

Лейбгвардїи РотмистрЪ ЯковЪ Аѳанасьевичь ТатищевЪ. - - - 1.

Гвардїи Коннаго полку СекундЪ РотмистрЪ Николай Петровичь СавеловЪ. - - - - - 1.

Гвардїи ПодпоручикЪ Дмитрїй Петровичь ЩербачевЪ. - - - 1.

Конной Гвардїи секундЪ-РотмистрЪ Василїй Ивановичь Лисаневичь. - 1.

Его благородїе ѲедорЪ Ивановичь Косаговскїй. - - - - 1.

Экзем.

Его благородіе Петръ Матвѣевичь Темниковъ. - - - - 1.
Елизавета Михайловна Неронова. - 1.
Его благородіе Иванъ Николаевичь Нагаевъ. - - - - - 1.
Его благородіе Иванъ Алексѣевичь Корякинъ. - - - - 1.
Его благородіе Иванъ Евсеевичь Ладыжевъ. - - - - - 1.
Его благородіе Гаврило Ѳимовичь Перовъ. - - - - - 1.
Бухгалтерской Помощникъ Михайло Герасимовичь Крушицкій. - - 1.
Сенатской Канцеляристъ Александръ Васильевичь Зоричь. - - - 1.
Иванъ Николаевичь Сабуровъ. - - 1.
Московскаго Опекунскаго совѣта Сержантъ Иванъ Позняковъ. - - 1.
Московской Купецъ Матвѣй Ивановичь Ахлонинъ. - - - 1.
Московской Купецъ Николай Игнатьевичь Малютинъ. - - - 1.
Московской купецъ Аникій Иконовъ. 1.
Московской купецъ Иванъ Иконовъ. 1.
Въ Ряжскѣ Его превосходительство Алексѣй Михайловичь Селиверста. 1.

Экзем.

Въ Санктпетербургѣ Ея Высокопревосходительство Марья Павловна Нарышкина. - - - - - - 1.

Въ Санктпетербургѣ Его Сіятельство Сергѣй Михайловичь Голицынъ. - 1.

Въ Гжацкѣ Его благородіе Артиллеріи Порутчикъ Андрей Ивановичь Санбуровъ. - - - - 1.

Въ Богучарѣ Его благородіе Григорій Ивановичь Урсулу. - - - 1.

Въ Острогожскѣ Студентъ Василій Алексѣевичь Должниковъ. - - 1.

Въ Тамбовѣ Иванъ Михаиловичь Сабуровъ. - - - - - 1.

Въ Верхнемъ Ламовѣ Никаноръ Михайловичь Сабуровъ. - - - 1.

Въ Яранскѣ Его благородіе Иванъ Ивановичь Кессель. - - - 1.

Отъ неизвѣстныхъ особъ взято. - 5.

ПОГРѢШНОСТИ.

Стран.	Строк	Напеч.	Читай.
4.	15.	*ошшворишь*	*отшворить*
8.	2.	*Королевскіе*	*Корлевскія.*
9.	2.	*воспрошивилась*	*воспрошивились*
11.	22.	*головч*	*головы*
17.	3.	*онѣ*	*они*
19.	2.	*кушашь*	*кушашь*
20.	8.	*иричинч*	*причинч*
21.	12.	*былъ ;*	*былъ ,*
21.	14.	*говоряшь*	*говорятъ*
22.	1.	*ащсшливыми*	*щасшливыми*
23.	5.	*ободряешъ*	*одобряетъ*
23.	25.	*всее*	*все*
24.	4.	*обсшояшельтва*	*обстояшельства*
26.	6.	*невольники*	*не невольники*
27.	4.	*ла фаетръ*	*ла фаеттъ,*
27.	8.	*железной*	*въ желѣзномъ*
41.	10.	*справедливѣй-шіе*	*справедливѣй-шія*
45.	6.	*и ихъ*	*нихъ*
47.	14.	*будте*	*будто*
51.	17.	*поджеговъ*	*поджиговъ*
51.	21.	*поставляюшъ*	*поставляютъ*
55.	12.	*мнѣ*	*мнѣ ,*
59.	13.	*которые*	*которыя*

Стран.	Строк.	Напеч.	Читай.
59.	17.	оньие	оныя
59.	24.	чучалъ	чучелъ
60.	1.	чучалъ	чучелъ
65.	23.	лудшую	лучшую
67.	11.	имѣтъ	имѣть
68.	3.	изъ ихъ	изъ своего
69.	11.	которые	которыя
70.	21.	искусство	искуство
72.	2.	въ въ	въ
74.	18.	Errgetzungen	
76.	16.	производитъ	производить
79.	17.	они	онѣ
80.	10.	оньие	оныя
84.	11.	что все то ~~что~~ они	что все то они
84.	13.	учрежденные	учрежденныя
91.	24.	множеетво	множество
98.	13.	которые	которыя
110.	15.	Національнов	Національное
120.	15.	не смотря	смотря
142.	1.	которые	которыя
157.	9.	кропусканіе	кровопусканія
157.	6.	кровопролитіемъ	кровопролитіемъ
160.	19.	Не смѣшло ли	Не смѣшно ли

196

Ст

59

59

60

65

67

68

69

70

72

74

76.

79. ть

80.

84. о они

84. ныя

91. го

98.

110. ьное

120.

142.

157. анія

157. ити-

160. о ли

